

Ирина Шилова

18+

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ АЛИБИ

Клиентка на всю голову

Я только
посмотрю

ХОРОШИЕ
ЛЮДИ
РАЗГАДЫВАЮТ
ЧУЖИЕ
ИСТОРИИ

ДЕЛО
КЛИЕНТКИ

Сегодня:

- ☒ Клиентка
- ☒ Заметки
- ☒ Кофе
- ☐ Навести порядок?
- ☐ Жизнь

Всё под
контролем!
Почти...

Иногда разгадки
живут в самых
обычных домах...

Больше
историй...

Ирина Шилова

Клиентка на всю голову

<https://litres.ru/74543724>

ISBN 9785007133456

Аннотация

Психолог Ирина привыкла разбираться в чужих страхах и воспоминаниях, но одна клиентка приносит историю, которую слишком легко объяснить психологией — и слишком трудно здравым смыслом. Профессиональное любопытство втягивает Ирину в семейные тайны, странные совпадения и опасные вопросы. «Клиентка на всю голову» — иронический детектив о памяти, секретах и привычке говорить: «Я только посмотрю».

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
ГЛАВА 3	53
I NEED SPACE	79
«ГОСПОДИ ИРА»	80
ПСИХОЛОГ ДОЛЖЕН ЗАНИМАТЬСЯ ЖИВЫМИ	81
ГЛАВА 4	85
ГЛАВА 5	107
ГЛАВА 6	124
— ГДЕ ЗДЕСЬ?	126
— СЕЙЧАС НЕ ОБО МНЕ	128
ГЛАВА 7	149
— ЕМУ НЕЛЬЗЯ!	170
ГЛАВА 8	176
— МЯ-А-А-АУ!	195
«КОФЕ / ЧЕБУРЕКИ / ДОМАШНЯЯ ВЫПЕЧКА»	200
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Клиентка на всю голову

Ирина Шилова

© Ирина Шилова, 2026

ISBN 978-5-0071-3345-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

В то утро на моей кухне сидел незнакомый мужчина в трусах.

Я обнаружила его примерно в одиннадцать пятнадцать, когда пришла за кофе и ещё не до конца считала себя человеком. Мужчина сидел за моим столом, пил мой кофе из моей чашки и выглядел настолько спокойно, будто это я только что вошла к нему домой без приглашения.

Я остановилась в дверях.

Он тоже посмотрел на меня.

Несколько секунд мы молчали.

— Доброе утро, — наконец сказал мужчина.

— Пока не уверена.

Из-за его стула выглянул Нафаня. Предатель сидел рядом и смотрел на незнакомца с той степенью любви, которая у Нафани обычно возникала к людям, державшим в руках еду.

Я перевела взгляд на стол.

Бутерброд.

Всё понятно.

— Лена! — позвала я.

— Что?

— Можно тебя на секунду?

— Я занята!

— У меня на кухне мужчина в трусах.

Пауза.

— Это Сергей!

Как будто это всё объясняло.

— А-а. Сергей. Тогда, конечно.

Мужчина улыбнулся.

Я не улыбнулась.

Во-первых, было слишком рано. Во-вторых, у меня ещё не было кофе. В-третьих, я по-прежнему не знала, кто такой Сергей и почему он завтракает у меня дома практически без одежды.

Лена появилась в коридоре, на ходу собирая волосы в хвост.

— Я тебе вчера говорила.

— Когда?

— Вечером.

— Вечером ты рассказывала мне про флористику, какие-то стабилизированные цветы и женщину, которая делает букеты в коробках.

— И про Сергея.

— Возможно. После цветов мой мозг отключился.

Лена закатила глаза.

Она была моей младшей сестрой и поэтому давно имела право смотреть на меня так, будто в нашем семейном тандеме именно она отвечает за здравый смысл.

Это было спорно.

Ещё совсем недавно она отвечала за нумерологию. До это-

го — за свечи ручной работы. До свечей был период конди-тера, после которого я долго находила пищевые красители в местах, где пищевых красителей быть не должно. В какой-то момент Лена собиралась стать дизайнером интерьеров, потом изучала астрологию, потом делала украшения.

Сейчас она была флористом.

Я старалась не привыкать.

— Сергей остаётся у меня, — сказала она.

— Как я вижу, он уже остался.

Сергей посмотрел на себя и, кажется, впервые задумался о том, что встреча с сестрой девушки могла пройти лучше.

— Я могу одеться.

— Уже не торопись. Первое впечатление всё равно состоялось.

Лена прыснула.

— Ира!

— Что? Я спокойно реагирую.

Сергей оказался человеком с хорошей нервной системой. Вместо того чтобы начать оправдываться, он допил кофе.

Мне это понравилось.

— Я вообще-то в шортах, — сказал он.

Я ещё раз посмотрела.

— Это очень оптимистичная трактовка.

— Ира!

— Всё, молчу.

Я открыла шкаф, достала чашку и обнаружила внутри но-

сок.

Нет, не в чашке. Рядом с чашками.

Хотя, если честно, меня бы уже ничто не удивило.

— Почему здесь мой носок?

Лена мельком посмотрела.

— Спроси Гошу.

Я обернулась.

Рыжий ориентал Гоша сидел на холодильнике и наблюдал за происходящим с выражением абсолютной невинности.

Гоша вообще был очень красивым котом, если смотреть на фотографию. В жизни красота периодически уступала место каким-то необъяснимым решениям. Он мог пять минут смотреть в стену, потом внезапно подпрыгнуть, пробежать боком через комнату и спрятаться в пакет.

Почему?

Никто не знал.

Полагаю, даже он.

Васька, второй кот, был совершенно нормальным. На фоне Гоши это уже считалось выдающимся качеством.

Ляля, мой миниатюрный той-терьер, сидела возле моей ноги. Ляля считала своей главной жизненной задачей следить за мной. Если я уходила в ванную, она охраняла дверь. Если выходила из квартиры на пять минут, встречала так, будто я вернулась после двадцати лет эмиграции.

Нафаня, маленький йорк, относился к любви практичнее. В данный момент он любил Сергея.

Потому что у Сергея был бутерброд.

Из коридора раздалось:

— Га!

Я закрыла глаза.

— Только не сейчас.

Аркадий вошёл на кухню.

Сергей перестал жевать.

— Это гусь?

— Нет, — сказала я. — Галлюцинация. Психогенная.

Проходит после кофе.

— Ира, — сказала Лена.

— Да. Это гусь.

Аркадий подошёл ближе и внимательно посмотрел на Сергея.

Сергей посмотрел на Аркадия.

— Он кусается?

— Нет.

Лена фыркнула.

— Иногда.

— Он не кусается. Он выражает несогласие.

— Клювом в ногу.

— У каждого свой язык коммуникации.

Аркадий сказал:

— Га.

— Видишь? Очень контактный.

Я наконец налила кофе и посмотрела на часы.

Одиннадцать двадцать семь.

— Чёрт.

Первый клиент у меня был в двенадцать.

Вот теперь знакомство можно считать официально состоявшимся.

Давайте вообще начнём по порядку, а то вы сейчас решите, что читаете историю женщины, живущей с гусём, странным котом и неизвестными мужчинами в трусах.

Меня зовут Ирина.

Я психолог-гипнолог.

Нет, мысли я не читаю.

Не вижу по глазам, изменяет ли вам муж.

Не могу загипнотизировать свекровь так, чтобы она внезапно вас полюбила.

И уж тем более не превращаю человека, который сорок лет жил определённым образом, в счастливую, осознанную и финансово независимую личность за одну пятидесятиминутную консультацию.

Хотя иногда именно этого от психолога и ждут.

Я люблю свою профессию. Даже слишком.

Психология, психотерапия, гипноз — всё, что связано с человеческой психикой, меня затягивает моментально. А психиатрия вообще способна лишить меня сна: я могу открыть вечером одну статью «на пять минут» и обнаружить себя в три часа ночи читающей клинический случай какого-нибудь французского психиатра девятнадцатого века.

Человеческая память интересовала меня особенно.

Она вообще удивительная штука.

Мы привыкли думать, что память — это внутренний архив. Что где-то внутри головы стоят аккуратные полочки: детство, школа, первая любовь, развод, отпуск в Турции, вчерашняя ссора.

На самом деле всё гораздо веселее.

И страшнее.

Память не хранит прошлое как видеозапись. Она каждый раз его восстанавливает. Достаивает, выкидывает детали, соединяет события, добавляет то, что мы узнали позднее. Иногда человек абсолютно честно рассказывает то, чего не происходило именно так, как он помнит.

Именно поэтому я никогда не говорю клиентам: «Давайте сейчас заставим вас вспомнить всё».

Особенно под гипнозом.

Потому что вспомнить — не всегда значит узнать правду.

Иногда это значит создать очень убедительную версию.

Но в то утро я об этом ещё не думала.

Я пыталась найти ключи от машины.

— Лена!

— Что опять?

— Ты не видела ключи?

— Нет.

— Я точно клала их сюда.

— Куда?

Я оглядела кухню.

— Не помню.

Лена молча посмотрела на меня.

— Не надо использовать против меня профессиональную терминологию.

— Я ничего не сказала.

— Вот именно.

Ключи обнаружились в моей сумке.

Это было почти оскорбительно.

Я схватила сумку, допила кофе стоя, проверила воду у животных, потом ещё раз проверила воду, потому что мне всегда кажется, что, если я не посмотрю второй раз, кто-нибудь обязательно останется обезвоженным.

— Ляля ела?

— Да.

— Нафаня?

— Да.

— Гоша?

— Да.

— Васька?

— Да!

— Аркадий?

— ИРА!

— Всё. Уехала.

Я дошла до двери.

Вернулась.

— Телефон.

Сергей посмотрел на мою руку.

Я посмотрела на свою руку.

Телефон был в ней.

— Никто ничего не видел.

— Конечно, — сказал Сергей.

Я прищурилась.

— Мне нравится, что ты быстро адаптируешься.

— У меня выбора нет.

— Выбор есть всегда. Я психолог.

— А я оденусь в следующий раз.

— Вот это правильная динамика.

Лена вытолкнула меня за дверь.

Водить машину я любила почти так же сильно, как ненавидела телефонные звонки.

Машина была моим личным пространством, маленьким передвижным кабинетом без клиентов. Здесь можно было включить музыку, ехать и какое-то время ни с кем не разговаривать.

Особенно хорошо было уехать куда-нибудь к морю.

Море я любила всегда. Океан ещё больше. Вода каким-то образом умела делать то, чего не умели люди: быть рядом и ничего от тебя не хотеть.

Телефон зазвонил.

Вот.

Стоило подумать.

Я посмотрела на экран.

Незнакомый номер.

Сбросила.

Если человеку действительно что-то нужно, он напишет.

У меня вообще сложные отношения со звонками. Я могу часами разговаривать с клиентом во время сессии, но неожиданный входящий звонок вызывает внутреннее: «Господи, зачем?»»

Навигатор велел повернуть направо.

Я поехала прямо.

Навигатор повторил.

— Не командуй.

Дело в том, что с названиями улиц у меня всё плохо.

Очень.

Я могу десять лет ездить по одному району и не знать, как называется улица, по которой только что проехала.

Зато прекрасно помню:

после большого дерева направо;

за старым магазином, где раньше продавали обувь, налево;

доезжаем до пенька;

у дома с зелёным балконом разворачиваемся.

Лена называет это географическим критинизмом.

Я — визуальной системой навигации.

Деревья, в конце концов, хотя бы не переименовывают.

В кабинет я приехала без пяти двенадцать.

И это был успех.

Марина была последней клиенткой того дня.

Когда она вошла, первое, что я отметила, — она очень старалась выглядеть спокойно.

Иногда тревожного человека видно сразу. Он двигается быстро, перебирает пальцами, говорит сбивчиво.

Марина была другой.

Аккуратная женщина лет сорока семи. Хорошая сумка, спокойная одежда, собранные волосы. Она села в кресло, поставила сумку рядом и сложила руки на коленях.

Слишком аккуратно.

— Ирина, я даже не знаю, с чего начать.

— Начните с того, что заставило вас записаться именно сейчас.

Она некоторое время молчала.

— Вы только не подумайте, что я сумасшедшая.

Я улыбнулась.

— Если бы мне платили дополнительно каждый раз, когда клиент начинает с этой фразы, я бы уже работала исключительно из любви к искусству.

Марина впервые слегка улыбнулась.

Совсем немного.

— У меня умер брат.

Юмор из комнаты ушёл.

— Соболезную. Как давно?

— Четыре месяца назад.

— Как его звали?

— Алексей.

Я дала ей время.

— Что произошло?

Марина посмотрела на свои руки.

— Упал с лестницы на даче.

— Это был несчастный случай?

— Так сказали.

Последние два слова прозвучали иначе.

Я отметила это, но не стала цепляться.

— А что беспокоит вас сейчас?

Марина вдохнула.

— Я не помню.

— Что именно?

— Вот в этом проблема. Я не знаю, чего именно я не помню.

Хорошо.

Теперь стало интереснее.

Не в детективном смысле. Пока.

В профессиональном.

— Попробуйте рассказать всё по порядку.

Она кивнула.

— После смерти Лёши мне начали сниться сны. Один и тот же. Почти каждую неделю.

— Какой?

Марина закрыла глаза.

— Коридор.

— Знакомый?

— Не знаю.

— Что в нём?

— Темно. Пол тёмный... деревянный, кажется. В конце дверь.

— Открытая?

— Нет.

— Вы подходите к ней?

— Каждый раз.

— И что происходит?

Марина открыла глаза.

— Я слышу мужской голос.

— Что он говорит?

Она посмотрела прямо на меня.

— «Ты же обещала никому не рассказывать».

Я ничего не записала.

Некоторые вещи лучше сначала просто услышать.

— Вы узнаете голос?

— Нет.

Ответила слишком быстро.

— Совсем?

— Нет.

— Хорошо. Что происходит дальше?

— Я просыпаюсь.

— Страшно?

— Очень.

— Что именно пугает сильнее всего: коридор, голос, содержание фразы?

Она задумалась.

— Ощущение.

— Какое?

— Что я должна знать, о чём он говорит.

Вот это было уже важнее.

Я попросила Марину описать события вокруг смерти брата.

Они с Алексеем общались. Не ежедневно, но регулярно. У него была жена Оксана. У Марины — муж Виктор, двое взрослых детей. Накануне ничего особенного не происходило.

По крайней мере, насколько она помнила.

— Где вы были в день смерти Алексея?

Марина снова замолчала.

— Дома.

— Откуда знаете?

Вопрос явно её задел.

— Муж говорит.

— А вы сами?

— Я... помню утро кусками.

— Какими?

— Кухня. Кофе. Потом ничего. А потом уже Виктор говорит мне про Лёшу.

— Кто сообщил о смерти?

— Не помню.

— Вы ездили на дачу?

— Нет.

Слишком быстро.

Я подняла глаза.

Марина заметила.

— То есть я не думаю, что ездила.

— Это немного другое.

— Да.

— Почему вы вообще начали сомневаться?

Она расстегнула сумку.

— Потому что я нашла вот это.

На ладонь лег ключ.

Обычный металлический ключ с маленьким пластиковым брелоком.

— От чего?

— От дома Алексея.

— Вы раньше им пользовались?

— Нет.

— У вас был свой ключ?

— Нет.

— Откуда тогда знаете, что он от его дома?

— Оксана сказала.

— Где вы его нашли?

— В кармане куртки.

— Куртки, которую носили тогда?

— Да.

— Когда обнаружили?

— Недели две назад.

— Вы могли взять его раньше и забыть?

— Наверное.

— Марина, мне сейчас важно не выбрать самую страшную версию, а собрать все возможные. Память действительно может давать пробелы, особенно после сильного стресса. Но прежде чем связывать их с каким-то конкретным событием, нужно понимать контекст. У вас бывают провалы в обычной жизни? Забываете встречи, разговоры, дорогу домой?

— Нет.

— Алкоголь?

— Нет.

— Какие-либо препараты в тот период?

— Нет.

— Потери сознания, травмы головы?

— Тоже нет.

Она снова полезла в сумку.

— И ещё фотография.

Фотография была старая, немного выцветшая. Четыре молодых человека возле деревянного дома. Лето. Судя по одежде — конец девяностых или начало двухтысячных.

— Кто здесь?

Марина указала.

— Я. Лёша.

Девушку рядом с Алексеем она назвала Катей.

Четвёртого человека не назвала.

— А он?

Марина долго смотрела на фотографию.

— Не знаю.

— Не узнаете?

— Нет.

— Фотография ваша?

— Не помню её.

— Где нашли?

— Вместе с ключом.

Я посмотрела на снимок ещё раз.

— Вы были в этом доме?

— Давно. Это старая семейная дача. Мы ездили туда молодыми.

— Когда примерно?

— В девяностые.

— С Алексеем?

— Да.

— С Катей?

Марина нахмурилась.

— Наверное.

— А с этим мужчиной?

Она снова посмотрела.

— Я же сказала, не знаю, кто это.

Пальцы у неё дрогнули.

Вот теперь реакция была.

Не узнавание.

Или не только оно.

— Хорошо, — сказала я. — Пока не будем пытаться ничего вытаскивать силой.

— Но я хочу вспомнить.

— Понимаю.

— Вы же гипнолог.

— Да.

— Значит, можно меня загипнотизировать, и я всё расскажу?

Вот именно поэтому слово «гипноз» иногда создаёт мне больше работы, чем сам гипноз.

— Нет. Во всяком случае, я не стану использовать гипноз как детектор истины. В изменённом состоянии человек тоже способен ошибаться, додумывать и соединять реальные детали с предполагаемыми. Наша задача — не получить красивое воспоминание. Наша задача — понять, что с вами происходит.

Марина выглядела разочарованной.

— Тогда что делать?

— Для начала не заставлять себя вспоминать. Записывать сны, ощущения, любые фрагменты, которые появляются сами. И отдельно — факты, которые можно проверить независимо от вашей памяти.

— А если я была там?

— Пока у нас нет оснований утверждать, что вы были.

— Но ключ...

— Ключ говорит только о том, что ключ оказался в кармане вашей куртки.

Я специально сказала именно так.

Психика ненавидит неопределённость. Поэтому быстро достраивает объяснение.

Нашёлся ключ — значит, была в доме.

Снится коридор — значит, видела коридор.

Не помню — значит, вытеснила.

И вот уже из трёх неизвестных получается готовая история.

Так нельзя.

По крайней мере, если ты психолог.

— Вы видели Алексея после смерти? — спросила я.

— Нет.

— Вообще?

— Нет. Я не смогла.

— Не ездили на опознание?

— Нет, Оксана всё делала. Похороны были с закрытым...

Марина замолчала.

— С закрытым гробом?

— Да.

— То есть после смерти брата вы его не видели?

— Нет.

Я кивнула и перешла к другим вопросам.

Как они общались в последние месяцы. Были ли конфликты. Менялось ли поведение Алексея. Как Марина переживала смерть. Что говорил Виктор. Как спала. Были ли панические эпизоды.

Минут через двадцать мы снова вернулись к тому дню.

— Вы сказали, что смерть наступила из-за падения с лестницы.

— Да.

— Что именно произошло при падении, вам известно?

— Он ударился головой. И часами.

Я остановилась.

— Что?

Марина тоже замерла.

— Часами.

— Какими часами?

Несколько секунд она смотрела на меня.

— Наручными.

— Что с ними произошло?

— Разбились.

В кабинете стало очень тихо.

— Откуда вы это знаете?

Марина побледнела.

— Не знаю.

— Вам кто-то рассказывал?

— Нет.

— Оксана?

— Нет.

— Виктор?

— Нет.

— Вы видели фотографию?

— Нет.

Я не отводила глаз.

— На какой руке были часы?

— На правой.

Ответ вылетел мгновенно.

Марина замерла.

Я тоже.

Иногда самая важная информация на сессии появляется не тогда, когда человек долго пытается вспомнить.

А тогда, когда отвечает раньше, чем успевает подумать.

— Марина...

— Я не знаю, почему это сказала.

— Хорошо.

— Но они были на правой.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю!

Впервые за всю встречу её голос сорвался.

Я сразу остановила расспрос.

— Посмотрите на меня.

Она подняла глаза.

— Сейчас ничего вспоминать не нужно.

— Но я знаю это.

— Возможно. Но пока мы не знаем, откуда.

— Я его видела.

— Мы этого не знаем.

— А как ещё?!

— Можно услышать деталь и забыть источник. Увидеть фотографию мельком. Услышать разговор. Есть много вариантов.

Я не сказала ей главного.

Да.

Вариантов много.

Но мне самой уже стало не по себе.

Марина несколько раз глубоко вдохнула.

К концу встречи мы договорились, что она ничего не будет «вспоминать» самостоятельно, не станет искать фотографии тела, читать обсуждения смерти брата или расспрашивать родственников в форме «а не было ли вот так?». Всё, что приходит само, записывает максимально буквально: образ, звук, ощущение, без трактовок.

Когда она уже собиралась уходить, я спросила:

— Марина, ещё один вопрос.

Она обернулась.

— Почему вы пришли именно ко мне?

На лице мелькнуло замешательство.

— Мне вас посоветовали.

— Кто?

Пауза.

— Не помню.

И вот это мне уже совсем не понравилось.

После её ухода я ещё минут десять сидела в кабинете.

На столе лежали мои записи.

Сон. Коридор. Дверь.

«Ты же обещала никому не рассказывать».

Ключ от дома Алексея.

Старая фотография.

Провал в памяти.

И:

Часы. Правая рука. Разбиты.

Профессиональная часть меня говорила вполне разумные вещи.

Память реконструктивна.

Стресс.

Горе.

Случайно услышанная информация.

Источник воспоминания мог забыться.

Никаких выводов.

Абсолютно никаких.

Я закрыла блокнот.

Потом открыла.

Снова посмотрела.

Нет.

Не моё дело.

Я психолог.

Не следователь.

Моя задача — помочь женщине справиться с тревогой и понять особенности собственной памяти, а не расследовать смерть её брата.

Я выключила компьютер.

Надела пальто.

Взяла сумку.

Потом поставила сумку обратно.

Села.

Открыла ноутбук.

— Только посмотреть, — сказала я сама себе.

Интернет нашёл Алексея быстро.

Имя, фамилия, несколько старых публикаций, социальные сети.

Я нажала на фотографии.

На первой Алексей стоял где-то на мероприятии в светлой рубашке.

На правой руке были часы.

Я приблизила снимок.

Те самые или другие — определить было невозможно.

Но носил он их действительно справа.

Я закрыла фотографию.

Потом снова открыла.

— Это ничего не доказывает.

Разумеется.

Любой человек мог знать, на какой руке Алексей носил часы.

Особенно его сестра.

Вопрос был не в этом.

Вопрос был в том, почему Марина уверена, что часы разбились при его смерти, если утверждает, что брата после смерти не видела и никто ей этого не рассказывал.

Я посмотрела на время.

С момента, как решила не искать информацию об Алексее, прошло семь секунд.

В целом неплохо.

Профессиональное любопытство — прекрасное качество.

До тех пор, пока однажды оно не приводит тебя к убийству

ГЛАВА 2

Часы, которых никто не видел

Домой я ехала с твёрдым намерением больше не думать об Алексее.

Намерение было прекрасное. Зрелое. Профессиональное. Продержалось примерно до первого светофора.

На красном я снова вспомнила фотографию. Алексей в светлой рубашке, рука чуть согнута, часы справа. Ничего необычного. Кто-то носит часы на левой руке, кто-то на правой, кто-то вообще покупает дорогие часы исключительно для того, чтобы потом смотреть время в телефоне.

Меня беспокоили не часы.

Меня беспокоило то, как Марина ответила.

Без паузы.

Без попытки вспомнить.

— На правой.

А потом испугалась собственного ответа.

Я постучала пальцами по рулю.

Нет.

Стоп.

У женщины умер брат. Четыре месяца назад. У неё тревога, нарушения сна, повторяющиеся сновидения и субъективные провалы в памяти. Она могла слышать про часы от мужа, от Оксаны, от родственников, от кого угодно. Услышать

и забыть источник информации — вполне обычная история.

Есть даже отдельный феномен, когда содержание человек помнит, а откуда он его знает — уже нет.

Прекрасное объяснение.

Логичное.

Научное.

Мне совершенно не нужно было открывать фотографии Алексея на следующем светофоре.

Поэтому я открыла.

Только одну.

Потом ещё одну.

На второй фотографии часы тоже были справа.

На третьей — справа.

На четвёртой рука была в кармане, что я восприняла почти как личное неуважение.

Сзади посигналили.

Я подняла голову.

Зелёный.

— Да еду я!

Водитель сзади явно не интересовался особенностями человеческой памяти.

И правильно делал.

У каждого должна быть своя специализация.

Я убрала телефон и поехала домой.

Дома меня встретила Ляля.

Точнее, слово «встретила» здесь слишком слабо передаёт

происходящее.

Ляля услышала ключ в замке и устроила такое возвращение блудной матери, будто последние семь лет я провела в плену и только сегодня чудом нашла дорогу домой.

— Да, моя хорошая! Да, я тоже скучала!

Я присела, и она моментально оказалась у меня на руках, одновременно пытаюсь лизнуть меня в подбородок, щёку и, если получится, в нос.

Нафаня появился через несколько секунд.

Посмотрел.

Оценил.

Понял, что еды у меня в руках нет, и любовь временно отложил.

Васька прошёл мимо с видом человека, у которого есть свои дела.

Гоши нигде не было.

Я насторожилась.

Тишина плюс отсутствие Гоши — это не покой.

Это стадия, предшествующая обнаружению ущерба.

— Гоша?

Ничего.

— Георгий?

Из спальни раздался подозрительный шорох.

Я пошла туда.

Гоша сидел посреди кровати.

Перед ним лежали четыре носка.

Четыре.

Ни один не составлял пару с другим.

Я остановилась.

— Я даже спрашивать не буду, как ты это сделал.

Гоша медленно положил лапу на полосатый носок.

— Это мой.

Лапа осталась на месте.

— Я покупала его себе.

Кот моргнул.

— У тебя нет ног.

Он посмотрел на свои лапы.

Я поняла, что аргумент выбран неудачно.

Из гостиной донёсся голос Лены:

— Ты уже пришла?

— Нет!

— Понятно.

Я собрала носки и пошла на кухню.

Лена сидела за столом среди зелени, бумаги, лент и каких-то цветов, названий которых я не знала и знать не хотела. На кухне пахло одновременно кофе и цветочным магазином.

— Это что? — спросила я.

— Эвкалипт.

— Я не спрашивала конкретно.

— Первый заказ.

Я остановилась.

— Настоящий?

Лена посмотрела на меня.

— Нет, выдуманный. Я сама себе заплатила, чтобы под-
нять самооценку.

— Я просто уточняю. Поздравляю.

— Спасибо.

На столе действительно лежала довольно красивая композиция. Я хотела это сказать, но Аркадий уже подошёл с другой стороны и заинтересованно вытянул шею к эвкалипту.

— Нет.

Аркадий посмотрел на меня.

— Даже не думай.

Он посмотрел на эвкалипт.

— Это не еда.

— Га.

— Мне всё равно, что ты по этому поводу думаешь.

Лена отодвинула ветки.

— Он уже пытался.

— Конечно.

Я поставила сумку и открыла холодильник.

— Есть что-нибудь?

— Ты утром спрашивала то же самое.

— С тех пор прошёл целый день.

— Там суп.

— Как давно?

— Ира, ты психолог или санитарный врач?

— В холодильнике я санитарный врач.

Я достала кастрюлю.

Телефон лежал на столе экраном вверх.

Лена заметила открытую фотографию.

— Кто это?

Я моментально перевернула телефон.

— Никто.

— Красивый «никто».

— Лена.

— Что?

— Клиентская история.

Она подняла руки.

— Всё. Не спрашиваю.

Вот за это я сестру ценила особенно. Она могла без спроса поселить у меня мужчину в трусах, дать незнакомцу мой номер и начать новую профессию между понедельником и четвергом, но если я говорила «клиентская история» — дальше не лезла.

Почти.

Прошло секунд десять.

— Он живой?

Я медленно повернулась.

— Ты сейчас издеваешься?

— У тебя лицо странное.

— У меня нормальное лицо.

— У тебя профессиональное лицо.

— Это какое?

Лена изобразила моё выражение: нахмурилась, чуть прищурилась и посмотрела куда-то в сторону, словно мысленно составляла карту преступления.

Получилось обидно похоже.

— Я так не делаю.

— Постоянно.

— Ешь цветы.

— Они не для еды.

Аркадий оживился.

— Даже не начинайте оба.

Я налила суп и села.

План на вечер был простой: поесть, принять душ, немного повязать, почитать и лечь спать не позже часа.

К двум ночи я всё ещё сидела с ноутбуком.

Ничего необычного.

На экране было пять фотографий Алексея из открытых источников.

Часы справа.

Справа.

Справа.

На одной фотографии он был без часов.

Я приблизила её зачем-то тоже.

Потом закрыла все вкладки.

— Всё.

Ляля лежала возле меня под пледом.

Васька спал в кресле.

Нафаня каким-то образом устроился на декоративной подушке, которая стоила дороже его лежанки и поэтому, естественно, нравилась ему больше.

Гоша сидел на подоконнике и смотрел в темноту.

Аркадий давно спал.

В доме было тихо.

Я взяла вязание.

Провязала один ряд.

Распустила.

Провязала снова.

В голове был тёмный коридор.

Деревянный пол.

Закрытая дверь.

«Ты же обещала никому не рассказывать».

— Нет, — сказала я вслух.

Ляля подняла голову.

— Не тебе.

Я отложила вязание.

Психологи тоже иногда разговаривают сами с собой.

Мы просто знаем, как это правильно называется.

Утром я проснулась от сообщения.

Это уже было неприятно само по себе.

Время показывало десять сорок семь.

Для человечества — почти обед.

Для меня — глубокая ночь с элементами насилия.

Я приоткрыла один глаз.

Марина.

«Ирина, простите. Я не знаю, нужно ли вам это писать».

Следом:

«Сегодня ночью снова был сон».

Я села.

Сон — это уже рабочее.

Мозг включился быстрее обычного.

«Запишите всё, что помните, максимально точно. Не пытайтесь пока объяснять увиденное».

Ответ появился через минуту.

«Тот же коридор. Только дверь была открыта».

Я ждала.

Три точки появлялись и исчезали.

«Я увидела пол».

Следующее сообщение:

«Тёмное дерево».

И ещё:

«На полу лежали часы».

Вот теперь я проснулась окончательно.

Я прочитала ещё раз.

«Какие?»

Марина ответила:

«Лёшины».

Потом:

«Разбитые».

И почти сразу:

«Ирина, там была кровь».

Я поставила ноги на пол.

Ляля недовольно заворочалась возле подушки.

— Извини.

Телефон снова завибрировал.

«Ещё рука. Я видела руку».

Я набрала ответ, потом стёрла.

Написала снова:

«Марина, сейчас очень важно не пытаться продолжить эту картинку специально. То, что вы увидели во сне или полусне, не является доказательством события. Не задавайте себе вопросы вроде „что было дальше?“, „чья это рука?“ или „где я стояла?“. Просто запишите то, что уже появилось».

Она долго не отвечала.

Потом:

«Но ведь я не могла это придумать?»

Могла.

Разумеется.

Любой человек может.

Особенно после вчерашнего разговора, где мы обсуждали часы, смерть брата и провалы памяти.

Мозг обожает собирать сюжет из доступных кусочков. Ночью тем более.

Я написала мягче:

«Мозг способен создавать очень реалистичные образы из воспоминаний, страхов, услышанной информации и вообра-

жения. Поэтому пока мы не считаем это воспоминанием. Мы считаем это образом, который появился».

Марина ответила не сразу.

«Хорошо».

А потом:

«Но я чувствую, что была там».

Вот эта фраза меня беспокоила больше сна.

Потому что «я чувствую» — очень сильное переживание.

И очень плохое доказательство.

«Чувство важно. Но оно не подтверждает факт. Пока разделяем: что вы точно знаете и что ощущаете».

Она поставила сердечко.

Я посмотрела на него и подумала, что в психотерапии маленькое красное сердечко может означать всё что угодно — от «спасибо, мне стало легче» до «я совершенно не согласна, но спорить пока не буду».

Я отложила телефон.

И тут заметила Гошу.

Он сидел на тумбочке.

На голове у него был мой носок.

Не рядом.

Не в зубах.

На голове.

Я несколько секунд смотрела на него.

Гоша смотрел на меня сквозь резинку.

— Как?

Никакой реакции.

— Я сейчас совершенно серьёзно спрашиваю: как ты это сделал?

Он соскочил на пол и убежал, так и не сняв носок.

Я проводила его взглядом.

Вот поэтому я люблю животных.

Когда человеческая психика начинает слишком усложняться, дома всегда найдётся кот с носком на голове, который возвращает тебя к базовым ценностям.

До обеда я работала онлайн.

Потом у меня было свободное окно.

Именно свободные окна в расписании чаще всего становятся причиной плохих решений.

Я могла пообедать.

Могла прогуляться.

Могла закончить начатое вязание.

Могла даже просто ничего не делать — упражнение крайне не полезное, хотя мне лично даётся плохо.

Вместо этого я открыла карту.

Посёлок, где находился дом Алексея, Марина назвала ещё на консультации.

Я помнила название.

Это уже было подозрительно, потому что названия улиц я обычно не помню принципиально.

Доехать — минут сорок.

Я посмотрела на карту.

Закрыла.

Сделала кофе.

Открыла снова.

— Я не собираюсь туда ехать.

Через двадцать минут я ехала туда.

Хочу сразу уточнить: у меня не было никакого плана рас-
следовать смерть клиента.

Вообще никакого.

Я просто хотела посмотреть на место.

Да, понимаю, как это звучит.

Именно так люди обычно начинают фразу перед очень
плохим решением:

«Я только посмотрю».

Я не собиралась ни с кем разговаривать.

Не собиралась заходить в дом.

Не собиралась что-либо выяснять.

Хотела увидеть, действительно ли там тёмные деревянные
полы.

Потом вспомнила, что для этого пришлось бы войти
внутри.

Что уже выглядело несколько хуже с точки зрения закона.

Нет.

Просто проеду мимо.

И всё.

Машина меня успокаивала.

Я включила музыку, немного приоткрыла окно и почти

убедила себя, что совершаю обычную дневную поездку.

Можно было бы поехать к морю.

Вот куда нормальные люди едут, когда у них свободное окно.

К воде.

Посидеть.

Подышать.

Посмотреть на горизонт.

Но нет.

Я ехала к дому умершего брата своей клиентки.

Потому что у каждого свой способ отдыхать.

Навигатор сообщил:

— Через триста метров поверните налево.

Я посмотрела вперёд.

Слева была какая-то совершенно неприметная дорога.

— Не здесь.

Навигатор повторил.

— Там ничего нет.

Через пятьсот метров дорога закончилась.

Я молча развернулась.

— Ничего не говори.

Навигатор великодушно промолчал.

Дальше ориентироваться было проще. Марина упоминала старый магазин у въезда и высокий кирпичный забор. Магазин оказался закрыт, зато рядом росло огромное дерево.

Вот.

Дерево — это уже нормальная система координат.

Я повернула.

Дом Алексея нашёлся неожиданно быстро.

Двухэтажный, светлый, с тёмной крышей и невысоким забором.

Я проехала мимо.

Потом ещё метров сто.

Остановилась.

— Посмотрела. Всё.

Разворачивайся, Ирина.

Я сидела.

Дом был виден в зеркало.

Ничего особенного.

Обычный загородный дом.

Такие дома не выглядят как места, где произошло что-то плохое.

В этом вообще проблема мест, где происходит что-то плохое.

Они почти всегда выглядят нормально.

Возле соседнего участка появилась женщина с собакой.

Собака была маленькая, круглая и шла с выражением лица, будто прогулка организована исключительно для удовлетворения хозяйки.

Женщина посмотрела на мою машину.

Я посмотрела на женщину.

Она снова посмотрела.

Прекрасно.

Теперь либо уехать, либо выйти.

Нормальный человек выбрал бы первое.

Я выбрала второе.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Собака подошла ко мне и понюхала обувь.

— Какая хорошая.

Женщина сразу смягчилась.

Это универсальный способ установить контакт с владельцем собаки. Никогда не начинайте с человека.

Начинайте с собаки.

— Буся, не лезь.

— Она не мешает.

— Ей девять лет уже. Характер ужасный.

Буся посмотрела на хозяйку.

Я была на стороне Буси.

— Девять — прекрасный возраст.

— Ест плохо.

Я машинально спросила:

— Что даёте?

Через пять минут я знала, что Буся отказывается от индейки, любит сыр, ветеринар запрещает сыр, но иногда «кусочек же можно», а ещё вчера её дважды стошнило после какого-то нового корма.

Вот так я обычно и попадаю в разговоры.

Я всего лишь хотела узнать про соседний дом, а уже обсуждала пищеварение девятилетней собаки.

— А вы к Оксане? — неожиданно спросила женщина.

Я посмотрела на дом Алексея.

— Нет.

— А-а. Я думала, вы к ним. Машина незнакомая.

Вот теперь можно было либо соврать, либо уйти.

Я выбрала третье.

— Я по поводу Алексея хотела кое-что уточнить.

Женщина сразу стала серьезнее.

— А вы кто?

Хороший вопрос.

— Знакомая Марины.

Не совсем ложь.

Скажем так, профессионально организованная недосказанность.

— Сестры?

— Да.

— Бедная женщина.

— Вы её хорошо знаете?

— Ну как хорошо. Виделись. Она сюда раньше часто приезжала. Потом реже.

У меня внутри что-то щёлкнуло.

— Давно её видели последний раз?

Женщина задумалась.

Буся тем временем решила, что разговор про людей затя-

нулся, и села.

— Так в тот день и видела.

Я не сразу поняла.

— В какой?

— Когда Лёша погиб.

Я почувствовала, как всё профессиональное любопытство, которое я весь день пыталась держать на поводке, резко подняло голову.

— Марину?

— Ну да.

— Вы уверены?

Женщина посмотрела на меня уже внимательнее.

— Конечно. Я её знаю.

— В какое время?

— Утром.

— Рано?

— Да не очень. Часов... — она прищурилась, вспоминая.

— После девяти, наверное. Я с Бусей ходила.

Буся услышала своё имя и посмотрела вверх.

— Она зашла в дом?

— Конечно.

— Вы видели?

— Видела. Алексей сам ей открыл калитку.

Вот теперь вокруг стало подозрительно тихо.

Даже Буся перестала интересоваться моими ботинками.

— То есть Алексей тогда был жив?

Женщина нахмурилась.

— Ну а как иначе? Я же говорю — он сам вышел.

Я смотрела на дом.

Марина сказала, что в то утро была дома.

Точнее:

Виктор сказал ей, что она была дома.

Совсем не одно и то же.

— А Марина долго здесь была?

— Не знаю. Я домой пошла.

— Она была одна?

— Вроде да.

— На машине?

Женщина задумалась.

— Кажется, на такси. Или кто-то привёз. Не помню уже.

Вот.

Наконец-то нормальная человеческая память.

Потому что реальные воспоминания редко состоят из идеально расставленных фактов.

— А почему спрашиваете? — сказала она.

Я почувствовала, что пора уходить.

— Ничего серьёзного. Спасибо вам.

— С Мариной всё нормально?

— Да.

Это я сказала слишком быстро.

Женщина заметила, но спрашивать не стала.

Я попрощалась с ней и отдельно с Бусей.

— И без сыра, — сказала я собаке.

Хозяйка рассмеялась.

— Вы ей это объясните.

— Я психолог, не волшебник.

В машине я закрыла дверь и несколько секунд просто сидела.

Потом достала телефон.

Открыла переписку с Мариной.

«Где вы были в день смерти Алексея?»

«Дома».

«Откуда знаете?»

«Муж говорит».

Я положила телефон на соседнее сиденье.

Нет.

Это ещё ничего не доказывает.

Соседка могла перепутать день.

Время.

Неделю.

Марина действительно могла приезжать раньше.

Люди ошибаются.

Особенно когда событие произошло четыре месяца назад.

Но она сказала:

Алексей сам открыл калитку.

Я посмотрела на дом в зеркало.

Тёмная крыша.

Забор.

Обычные окна.

Никаких зловещих штор.

Никакой музыки из фильма.

Просто дом.

И где-то внутри этого дома был тёмный деревянный пол.

Возможно.

Я завела машину.

Надо было возвращаться.

И, желательно, перестать заниматься тем, чем я явно не должна заниматься.

На обратной дороге я решила Марине пока не писать.

Сначала нужно подумать.

Если я сейчас скажу: «Соседка утверждает, что видела вас там», — это может мгновенно повлиять на её собственные воспоминания.

Она начнёт искать подтверждения.

Создавать образы.

Сопоставлять сон с чужим рассказом.

А мне как раз нужно было обратное — сохранить границу между тем, что Марина вспоминает сама, и тем, что узнаёт от других.

Телефон зазвонил.

Незнакомый номер.

Я посмотрела на экран и машинально хотела сбросить.

Потом почему-то ответила.

— Да?

Несколько секунд никто не говорил.

— Алло?

Мужской голос был спокойным.

Не молодым.

— Ирина?

Мне это уже не понравилось.

— Кто это?

— Вы сегодня были возле дома Алексея.

Руки на руле сжались сильнее.

Я молчала.

Голос продолжил:

— Не приезжайте туда больше.

Связь оборвалась.

Я ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

— Прекрасно.

Телефон молчал.

— Очень содержательно.

Я сбавила скорость и съехала к обочине.

Перезвонила.

Абонент недоступен.

Конечно.

Нормальные люди всегда доступны после фразы «не приезжайте туда больше».

Я посмотрела в зеркало заднего вида.

За мной проехала белая машина.

Потом синяя.

Ничего необычного.

Я посмотрела в боковое зеркало.

Дорога.

Дома.

Деревья.

Люди.

Обычный день.

И только сейчас до меня дошло самое неприятное.

Он не сказал:

«Я знаю, что вы интересуетесь Алексеем».

Он сказал:

«Вы сегодня были возле дома Алексея».

Значит, кто-то видел меня там.

Я медленно оглянулась.

До этого момента я пыталась понять, что видела Марина.

Теперь появился другой вопрос.

Кто сейчас смотрит на меня?

ГЛАВА 3

Алиби со слов мужа
Утром меня разбудил крик.
Не человеческий.
Это важно.

Если бы кричал человек, я, возможно, испугалась бы меньше.

— ГА-А-А!

Я открыла глаза.
На часах было девять сорок две.
— Аркадий...

— ГА-А-А!

— Я слышу.

— ГА!

— Да что случилось?!

Я встала, нащупала тапок, второго не нашла и пошла выяснять, какая катастрофа произошла в нашем доме настолько рано.

Ляля мгновенно выбралась из-под одеяла и побежала за мной.

Васька остался спать.

У Васьки была прекрасно выстроенная система приорите-

тов: если катастрофа действительно серьёзная, его разбудят второй раз.

Гоша сидел в коридоре.

Почему-то боком.

Я остановилась.

— Что с тобой?

Он посмотрел на меня.

Потом на стену.

Потом снова на меня.

И внезапно подпрыгнул на месте.

— Понятно.

Ничего не понятно.

Я пошла дальше.

Аркадий стоял в кухне перед закрытой дверью на балкон и возмущался.

— Ты орёшь из-за двери?

— Га!

— Там холодно.

— Га!

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Ты можешь манипулировать кем-нибудь менее образованным.

Из комнаты появилась Лена.

— Он с шести утра просится туда.

Я обернулась.

— С шести?

— Да.

— И ты молчала?

— Я спала.

— Как?

— Ира, у меня нет материнской гиперответственности за гуся.

Аркадий снова заорал.

— Видишь? Ему плохо.

— Ему скучно.

— Это тоже плохо.

Лена посмотрела на меня, потом на Аркадия.

— Иногда мне кажется, что он твой самый сложный клиент.

— Нет. Он хотя бы честно говорит, чего хочет.

Я открыла дверь на балкон.

Аркадий мгновенно вышел и замолчал.

— Вот.

Лена развела руками.

— Шесть утра. Один вопрос. Одна дверь. Ты пришла и решила.

— Профессионализм.

— Или клюв.

Я собиралась ответить, но в этот момент увидела паука.

Он сидел на стене.

Небольшой.

Совершенно обычный.

Ничего особенного.

С точки зрения человека, который не боится пауков.

Я замерла.

— Лена.

— Что?

— Лена.

Она посмотрела на меня.

— Что случилось?

Я медленно показала пальцем.

Лена посмотрела на стену.

— И?

— Ты не видишь?

— Паука?

— Не произноси это слово.

— Ира, он размером с точку.

— Он движется.

— Все живые существа иногда движутся.

— Не все делают это восемью ногами.

Паук решил подтвердить мои слова и побежал вверх.

Я отступила.

Ляля начала лаять, хотя понятия не имела, на кого.

Гоша заинтересовался.

— Гошу убери!

— Почему?

— Он его съест!

Лена посмотрела на меня с искренним недоумением.

— Ты боишься паука и одновременно переживаешь, чтобы кот его не съел?

— Я не хочу, чтобы его убивали!

— Тогда что ты хочешь?

— Убери его.

— Куда?

— На улицу.

— Как?

Я посмотрела на неё.

— Ты взрослая женщина.

— Отлично. У меня наконец появилась жизненная миссия.

Паук снова пошевелился.

— Лен!

— Да господи.

Она взяла стакан и лист бумаги.

Я отошла ещё дальше.

— Аккуратно.

— Я знаю.

— Не придави ему лапу.

— Какую именно из восьми?

— Ты сейчас издеваешься над человеком в состоянии острого стресса.

— Ты психолог. Стабилизируйся.

— Я и стабилизируюсь. На расстоянии.

В этот момент в коридоре появился Сергей.

В брюках.

Я сразу это отметила.

— Доброе утро.

— Доброе, — сказала я, не отрывая глаз от операции по спасению паука. — Брюки.

Он посмотрел вниз.

— Да.

— Положительная динамика.

— Я стараюсь.

— Вижу.

Лена накрыла паука стаканом.

— Есть!

Я выдохнула.

— Молодец.

Сергей подошёл ближе.

— Что происходит?

— Эвакуация, — сказала Лена.

— Кого?

— Паука.

Сергей посмотрел на меня.

Потом на паука.

Потом снова на меня.

— Ты боишься пауков?

— Нет.

Лена засмеялась.

— Панически.

— Не панически. У меня просто к ним сложное эмоциональное отношение.

— Она может вечером смотреть сериал про маньяка, который десять лет хранил людей в подвале, а утром увидеть паука и покинуть квартиру.

— Маньяк хотя бы не ползёт по стене у меня дома.

Сергей кивнул.

— Логично.

Я посмотрела на него.

— Спасибо.

— Я ещё ничего не понял, но решил поддержать.

— Вот поэтому ты пока остаёшься.

— Пока?

— Не расслабляйся.

Лена вынесла паука на балкон.

Я проконтролировала процесс из кухни.

— Дальше.

— Ира, он уже на улице!

— Там балкон.

— Он не знает разницы.

— Знает. Они умные.

Сергей тихо спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Не спрашивай.

Я поставила чайник.

Утро можно было официально считать начавшимся.

Через двадцать минут мы сидели за столом.

Лена листала что-то в телефоне.

Перед ней лежали фотографии букетов.

Она всё ещё была флористом.

Пятый день.

Это уже начинало вызывать уважение.

— Вот, — сказала она и показала мне экран. — Как тебе?

Я посмотрела.

— Красиво.

— Просто красиво?

— Очень красиво.

— Ты даже не посмотрела.

— Я посмотрела.

— Три секунды.

— Мне хватает.

— А вот этот?

— Тоже.

— Какой лучше?

Я посмотрела на оба букета.

Один был розовый.

Другой тоже розовый, но профессионалы, очевидно, видели между ними огромную разницу.

— Второй.

— Почему?

Я подумала.

— У него... композиционный баланс.

Лена прищурилась.

— Ты сейчас придумала.

— Зато уверенно.

Сергей пил кофе.

— Первый лучше.

Лена мгновенно повернулась к нему.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Красивее.

Я показала на Сергея.

— Вот почему мужчины живут спокойнее. Они не знают терминов.

— У меня сегодня первый оплаченный заказ, — сказала Лена.

Я удивилась уже искренне.

— Серьёзно?

— Да.

— Кто заказал?

— Девушка из дома напротив.

— Так это настоящий бизнес.

— Я тебе вчера говорила.

— Ты мне много чего говоришь. У тебя однажды был восьмикилограммовый запас воска в шкафу, потому что ты «строила бренд».

— Свечи хорошо продавались.

- Три штуки.
- Это начало.
- Потом ты стала тарологом.
- Недолго.
- Потом нумерологом.
- Было интересно.
- Потом кондитером.
- Это было ошибкой.
- Холодильник помнит.

Сергей посмотрел на Лену.

- А дизайнером ты была?
- Была.
- Астрологом?
- Тоже.
- Украшения?

Лена посмотрела на меня.

- Ты ему всё рассказала?
- Это семейная история.
- Я надеюсь, психологом она не станет, — сказал Сергей.
- Не дай бог, — ответили мы с Леной одновременно.

Мы переглянулись.

Я засмеялась.

И в этот момент вспомнила вчерашний звонок.

Настроение чуть изменилось.

Не сильно.

Просто где-то внутри снова появилась та самая неприят-

ная мысль.

Кто видел меня возле дома Алексея?

Лена сразу заметила.

— Что?

— Ничего.

— У тебя лицо поменялось.

— Какое ещё лицо?

— То самое.

— Какое?

— Когда ты уже что-то анализируешь и пока не хочешь рассказывать.

Я посмотрела на Сергея.

— Она всегда так делает?

— Да.

— Предательница.

— Я с тобой с детства. У меня массив наблюдений.

Я вздохнула.

В принципе, скрывать сам факт звонка смысла не было.

Клиентские подробности — да.

Но мужчина, позвонивший мне после поездки к дому, казался уже не только клиента.

— Вчера мне звонили.

Лена перестала листать телефон.

— Кто?

— Не знаю.

— Мужчина?

— Да.

— Тот, которому я дала номер?

— Не знаю.

Она моментально стала серьёзной.

— Что сказал?

Я помолчала.

— Что я была возле одного дома. И чтобы больше туда не приезжала.

Сергей поставил чашку.

— В смысле?

— В прямом.

— Ты была возле какого-то дома?

— Да.

— Зачем?

— По работе.

— И кто-то это видел?

— Видимо.

Лена уставилась на меня.

— Ты мне вчера ничего не сказала.

— Потому что ты бы начала вот это.

— Какое?

— Вот это лицо.

— У меня нормальное лицо!

— Нет. У тебя сейчас лицо человека, который уже выбирает мне телохранителя.

Сергей задумчиво сказал:

— Вообще плохая идея не самая.

Я посмотрела на него.

— Не поддерживай её.

— Я не поддерживаю. Но незнакомый человек знает, где ты была, и звонит с предупреждением.

— Именно поэтому я сегодня никуда не собираюсь.

Лена прищурилась.

— Обещаешь?

— Да.

— Честно?

— Я психолог.

— Это не ответ.

— Сегодня у меня клиенты.

— После клиентов?

— Домой.

— Без кладбища?

Я возмутилась:

— При чём здесь кладбище?

Сергей посмотрел на Лену.

— Она ездит на кладбища?

— Любит.

— Я не «езжу на кладбища». Я иногда гуляю по старым кладбищам.

Сергей ждал продолжения.

— Там тихо.

— Угу.

— Красивые старые памятники.

— Угу.

— Интересные имена, даты, человеческие истории.

— Конечно.

— И никто не звонит.

Сергей кивнул.

— Вот теперь убедительно.

Лена махнула рукой.

— Она ещё сериалы про серийных убийц смотрит перед сном.

— Документальные.

— Это должно улучшить ситуацию?

— Я люблю психологию преступников.

Сергей посмотрел на меня несколько секунд.

— И пауков боишься.

— Мы уже это обсуждали.

— Я просто пытаюсь собрать образ.

— Не надо. Даже у меня не получилось.

В кабинете всё опять стало нормально.

За это я его и любила.

За дверью могли оставаться гусь, паук, Ленина очередная профессия, неизвестный звонок и человек, который почему-то видел мою машину возле дома Алексея.

В кресле напротив клиента всё это переставало существовать.

Марина пришла вовремя.

Сегодня она выглядела хуже.

Не критично, но заметно. Под глазами тени, движения чуть медленнее.

— Как спали после нашей переписки?

— Плохо.

— Сны повторялись?

— Нет.

— А образы?

— Иногда.

— Какие?

Она помолчала.

— Пол. Кровь.

— Они появляются сами?

— Да.

— Старайтесь не разворачивать их дальше. Просто отмечайте.

Марина раздражённо вздохнула.

— Я понимаю, что вы хотите меня успокоить.

— Нет.

Она удивилась.

— Не хотите?

— Я хочу помочь вам разобраться. Это не одно и то же. Если окажется, что вам действительно есть чего бояться, бессмысленно убеждать вас, что всё хорошо. Но так же бессмысленно заранее превращать сон в воспоминание.

Марина немного расслабилась.

— Я вчера говорила с мужем.

Вот.

Наконец мы дошли туда, куда мне было нужно.

— С Виктором?

— Да.

— О чём?

— Спросила, точно ли я была дома в то утро.

Я ничего не сказала.

— Что он ответил?

— Что да.

— Как именно?

Она нахмурилась.

— В смысле?

— Что он помнит? Где вы были? Что делали?

Марина задумалась.

— Сказал, что видел меня утром на кухне.

— Во сколько?

— Около девяти.

— А дальше?

— Я не знаю.

— Виктор видел вас после этого?

— Наверное.

— «Наверное» — это ваше предположение. Что сказал он?

Она замолчала.

— Что потом лёг.

— Спать?

— Да.

— Утром?

— Он плохо спал ночью.

— До какого времени?

— Не знаю. Кажется, до одиннадцати.

Я записала.

Вот оно.

Марина говорила: я была дома, муж подтвердил.

А на практике муж видел её около девяти утра.

Дальше два часа выпадали.

Это ещё не означало ровным счётом ничего.

Но алиби, на которое она опиралась, становилось значительно менее надёжным.

Я пока не стала говорить ей о соседке.

Это было принципиально.

Если сначала сообщить Марине: «Вас видели у дома», а потом попросить вспомнить утро — неизвестно, что именно начнёт строить её память.

Поэтому я пошла с другой стороны.

— Какие отношения были у Виктора с Алексеем?

Марина заметно напряглась.

— Нормальные.

— Это очень широкое слово.

— Они не особенно любили друг друга.

— Почему?

— Разные люди.

— В чём?

Она отвела взгляд.

— Лёша был... сложный.

Впервые она сказала о брате не как о погибшем.

А как о живом человеке.

Это всегда важный момент.

Смерть быстро делает людей идеальными.

Особенно в рассказах родственников.

Алексей до этого был «братом, который погиб».

Теперь начинал становиться Алексеем.

— Что значит «сложный»?

— Резкий. Иногда жестокий словами. Любил показать человеку, где его место.

— А Виктор?

— Виктор гордый.

Прекрасная комбинация.

— Они конфликтовали?

Марина не ответила.

Я подождала.

— Марина?

— Да.

— Из-за чего?

Она посмотрела на меня.

— Денег.

Вот теперь история сделала ещё один маленький поворот.

— Виктор был должен Алексею?

Она кивнула.

— Много?

— Да.

— Насколько много?

— Очень.

— Это личный долг?

— У Виктора был бизнес. Несколько лет назад всё пошло плохо. Он занял у Лёши деньги, чтобы закрыть долги и попробовать удержаться.

— Получилось?

— Нет.

— Деньги Алексей получил обратно?

— Не полностью.

— На момент его смерти долг оставался?

— Да.

Я ничего не говорила.

Марина смотрела на руки.

— Почему вы не рассказали об этом вчера?

— Не знаю.

— Знаете.

Она подняла глаза.

Я не давила.

Просто ждала.

— Потому что это некрасиво.

— Что именно?

— Обсуждать деньги после смерти брата.

Вот она — первая защита.

Вполне человеческая.

— А ещё?

Марина снова отвела взгляд.

— Они поссорились.

— Когда?

— За неделю до смерти Лёши.

— Из-за долга?

— Да.

— Что произошло?

Она тяжело вдохнула.

— Алексей приехал к нам домой. Виктор сказал, что сейчас денег нет. Лёша начал издеваться.

— Как?

— Сказал, что Виктор всегда был неудачником. Что если мужчина к пятидесяти годам не способен отвечать за семью, то уже не будет.

Я представила себе разговор.

Не самый дипломатичный способ взыскания долга.

— Что сделал Виктор?

— Сначала молчал.

— Потом?

Марина сжала пальцы.

— Ударил его.

Я перестала писать.

— Куда?

— В лицо.

— Один раз?

— Да.

— Алексей ответил?

— Нет.

Это было неожиданно.

— Почему?

— Засмеялся.

— В смысле?

— Просто стоял и смеялся. Потом сказал: «Ну вот. Хоть на что-то решился».

Мне вдруг стало совершенно понятно, почему Виктор ударил его.

Это, разумеется, не оправдывало удар.

Но Алексей явно обладал талантом находить в человеке самую болезненную точку и аккуратно тыкать туда палкой.

— А дальше?

— Я их разняла.

— Что сказал Виктор?

Марина молчала.

— Марина.

— Он сказал, что Алексей плохо закончит.

Тишина.

Я положила ручку.

— Дословно?

— Кажется, да.

— «Ты плохо закончишь»?

— Что-то вроде: «Когда-нибудь ты доведёшь не того человека и закончишь плохо».

Вот теперь я понимала, почему Марина не рассказывала об этом вчера.

— Полиция знала про конфликт?

Она покачала головой.

— Почему?

— Потому что Лёша упал с лестницы.

— Это официальный вывод?

— Да.

— И вы решили, что ссора не имеет значения?

Марина посмотрела на меня.

— Я боялась, что начнут подозревать Виктора.

— В чём?

И тут она сказала:

— Виктор не убийца.

Я не шевельнулась.

Потому что слово «убийца» в этом разговоре ещё не звучало.

Ни разу.

Я говорила о смерти.

О падении.

О конфликте.

О полиции.

Но не об убийстве.

Марина сама его принесла.

Она поняла это почти одновременно со мной.

— Я не в том смысле.

— В каком?

— Я просто сказала.

— Хорошо.

— Вы же понимаете?

— Я пока ничего не предполагаю.

— Алексей упал.

— Да.

— Значит, Виктор здесь ни при чём.

— Возможно.

— Не «возможно». Точно.

Я внимательно посмотрела на неё.

— Марина, почему вам так важно убедить в этом именно меня?

Она открыла рот.

И закрыла.

Хороший вопрос иногда работает лучше десяти интерпретаций.

Я откинулась в кресле.

— Давайте вернёмся к фактам. Виктор видел вас около девяти утра. Потом лёг спать.

— Да.

— Алексей погиб позже?

— Да.

— Точное время вы знаете?

— Нет.

— Хорошо.

Я снова записала.

Теперь у нас было уже несколько отдельных фактов, которые очень хотелось соединить.

Но соединять их пока было нельзя.

Соседка утверждает, что Марина приехала к Алексею утром.

Марина этого не помнит.

Виктор подтверждает только, что видел её около девяти.

Алексей сам открывал Марине калитку — по словам соседки.

Виктор должен Алексею крупную сумму.

За неделю до смерти он ударил Алексея и сказал, что тот плохо закончит.

Марина ничего этого не рассказывала полиции.

И при этом сама произносит:

Виктор не убийца.

Очень хотелось задать один вопрос.

Я всё-таки задала.

— Марина, вы боитесь вспомнить, что сделали вы? Или того, что сделал кто-то другой?

Она посмотрела на меня.

По лицу пробежало что-то быстрое.

Страх.

Настоящий.

— Не знаю.

На этот раз я ей поверила.

После сессии я долго сидела одна.

Не расследуй.

Я даже мысленно произнесла это голосом разумного
взрослого.

Очень убедительно.

Потом открыла свои записи.

Виктор. Долг. Конфликт. Удар. Угроза.

Рядом:

Марина — провал памяти.

И отдельно:

Соседка видела её у Алексея утром.

Я обвела последнее.

Нет.

Так нельзя.

Я закрыла блокнот.

Мне нужно было купить молоко.

Вот.

Прекрасная задача.

Конкретная.

Без убийств.

Без памяти.

Без мужчин с плохими алиби.

Просто молоко.

В магазине я купила молоко, сыр, кофе, корм для животных, какой-то новый наполнитель, который был «особенно экологичным», хотя я подозревала, что коты эту экологичность не оценят, и три пары носков.

Носки были великолепные.

На одних были маленькие гуси.

Я даже не сомневалась.

Взяла.

На вторых — авокадо.

Тоже взяла.

Третьи были с надписью:

I NEED SPACE

— Особенно эти, — сказала я вслух.

Женщина рядом посмотрела на меня.

Я сделала вид, что разговариваю по телефону.

Телефона в руке не было.

Пришлось уйти.

У кассы позвонила Лена.

Я сбросила.

Она тут же написала:

«Ты живая?»

Я ответила:

«Да».

«Почему не берёшь?»

«Потому что ты можешь написать».

«Я хотела спросить, купить ли ленту бордовую или винную».

Я посмотрела на сообщение.

«Это разные цвета?»

Ответ пришёл моментально:

«ГОСПОДИ ИРА»

Я улыбнулась.

Жизнь снова ненадолго стала нормальной.

Я вышла из магазина с пакетами и пошла к машине.

До неё оставалось метров десять, когда я увидела бумагу
под дворником.

Сначала подумала — реклама.

Потом — штраф.

Ни то ни другое меня не обрадовало.

Я поставила пакеты на землю и вытащила лист.

Обычная белая бумага.

На ней было напечатано всего несколько слов.

ПСИХОЛОГ ДОЛЖЕН ЗАНИМАТЬСЯ ЖИВЫМИ

Я перечитала.

Потом ещё раз.

Смысл не изменился.

Я медленно оглядела парковку.

Люди.

Машины.

Тележки.

Мужчина складывает покупки в багажник.

Женщина пристёгивает ребёнка.

Кто-то курит возле входа.

Никто не смотрит на меня.

Во всяком случае, открыто.

Телефон зазвонил.

Я вздрогнула так сильно, что чуть не уронила записку.

Лена.

Разумеется.

Я ответила.

— Что?

— Бордовая или винная?

Несколько секунд я молчала.

— Ира?

— Бордовая.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Не ври.

— Лена, я перезвоню.

Я отключилась.

Сфотографировала записку.

Положила её в пакет отдельно.

И впервые подумала, что, возможно, поездка к дому Алексея была не просто профессионально сомнительной.

Возможно, она была ещё и очень глупой.

Телефон снова оказался в руке.

Кому звонить?

Полиция?

И что сказать?

Здравствуйте, я психолог. Вчера я без особой причины поехала к дому умершего брата своей клиентки, поговорила с соседкой, потом неизвестный мужчина приказал мне туда не возвращаться, а сегодня кто-то положил под дворник записку.

Звучит прекрасно.

Особенно часть «без особой причины».

Я открыла контакт Марины.

Закрыла.

Нет.

Не ей.

Потом вспомнила Виктора.

Номер его Марина когда-то оставила в анкете как контакт на экстренный случай.

Вот это уже было этически сомнительно.

Но я не собиралась обсуждать терапию.

Мне нужен был один факт.

Я долго смотрела на номер.

Потом нажала вызов.

Ненавижу звонить.

Особенно незнакомым мужчинам.

Особенно если их недавно публично проклял погибший человек, которому они были должны деньги.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Алло?

Голос был низкий.

— Виктор?

— Да.

— Здравствуйте. Меня зовут Ирина. Я психолог вашей жены.

Пауза.

Короткая.

Но была.

— Что случилось?

Не «здравствуйте».

Не «почему вы звоните».

Сразу:

что случилось?

— Ничего критического. Мне нужно задать вам один вопрос о Марине.

Снова пауза.

И тогда Виктор произнёс фразу, после которой я окончательно забыла про молоко, носки и экологичный кошачий наполнитель.

— Что она вам рассказала?

Я посмотрела на записку в своей руке.

Психолог должен заниматься живыми.

Кажется, в этой семье слишком многие боялись, что Марина начнёт говорить.

ГЛАВА 4

Цветы жизни и прочие угрозы

Виктор ответил на третьем гудке.

Я почему-то ожидала, что он не возьмёт трубку. Или возьмёт не сразу. Или хотя бы даст мне время придумать, с чего начать разговор с женщиной, о котором я знала примерно ничего, кроме того, что он каким-то образом был связан с покойным братом моей клиентки.

Но Виктор мою потребность в подготовке проигнорировал.

— Слушаю.

Голос оказался спокойным. Обычным таким голосом взрослого мужчины, которому совершенно нечего скрывать.

Именно поэтому он мне сразу не понравился.

Я сидела на кухне, поджав под себя ногу, и смотрела на записку, найденную утром.

«Психолог должен заниматься живыми».

Записка лежала рядом с чашкой кофе, который уже начал остывать. Это было особенно возмутительно. Кто бы ни решил меня запугивать, он явно не представлял, насколько далеко зашёл.

Одно дело — анонимные угрозы.

Совсем другое — испорченный кофе.

— Виктор?

На том конце повисла едва заметная пауза.

— Да.

— Меня зовут Ирина.

— Я знаю.

Я убрала телефон от уха и посмотрела на экран.

Нет. Всё тот же номер.

Я приложила телефон обратно.

— Уже интересно.

— Что именно?

— Я ещё не успела представиться толком, а вы уже знаете,

кто я.

— Марина рассказывала о вас.

Это прозвучало быстро. Возможно, даже слишком быстро.

— Хорошее рассказывала?

— Говорила, что ходит к психологу.

— Ко мне.

— Очевидно.

Я прищурилась.

В моей жизни уже был Сергей. Второй мужчина с манерой отвечать так, будто каждое лишнее слово облагается налогом, мне совершенно не требовался.

— А ещё что Марина рассказывала?

— Это допрос?

— Пока нет. Но мы можем развить отношения.

Он тихо усмехнулся.

— Она говорила, что вы необычная.

— Вот видите. А начиналось всё неплохо.

— По-моему, это был комплимент.

— Мужчины часто так думают.

Я потянулась за кофе и наконец сделала глоток.

Холодный.

Прекрасно.

День продолжал развиваться строго по плану человека, которого я когда-нибудь найду и заставлю оплатить мне моральный ущерб.

Виктор тем временем молчал.

Я тоже не торопилась. В работе психолога есть одно прекрасное профессиональное преимущество: ты совершенно спокойно переносишь паузы. Иногда даже любишь их.

Люди пауз не любят.

Они начинают заполнять их словами.

Часто лишними.

— Вы хотели спросить об Алексее? — наконец произнёс он.

Я поставила чашку на стол.

Вот теперь стало интересно по-настоящему.

— А почему вы решили, что я звоню из-за Алексея?

— Марина сейчас только о нём и говорит.

— Вы сегодня с ней разговаривали?

Тишина.

Совсем короткая.

Но я её услышала.

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, о чём она говорит сейчас?

Виктор вздохнул.

Не устало даже. Скорее так, будто я была не психологом, а особенно настойчивым ребёнком, который уже пятый раз спрашивает, откуда берутся дети.

Очень зря.

Я могу спросить и шестой.

— Ирина, я не знаю, что именно Марина вам рассказала, но вам лучше не вмешиваться.

Я снова посмотрела на записку.

Надо же.

Утро определённо проходило под девизом «Не лезь».

— Спасибо, — сказала я. — Сегодня мне уже давали похожий совет.

— Что?

— Ничего. Продолжайте.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Алексей был не самым простым человеком.

— Обычно после смерти люди внезапно становятся замечательными. Уже одно то, что вы этого не сделали, вызывает уважение.

Виктор снова замолчал.

— У него были долги.

— Перед вами?

— В том числе.

Вот это уже было лучше.

Хотя бы что-то похожее на информацию.

— Много?

— Достаточно.

— Это сколько?

— Какая разница?

— Для вас — возможно, никакой. Для меня между «заял пять тысяч до пятницы» и «теперь за ним ездит чёрный внедорожник» есть определённая разница.

На этот раз Виктор не усмехнулся.

— Кто сказал про машину?

Я замерла.

Он тоже.

Прекрасный момент.

И главное — очень неудобный для Виктора.

Потому что про машину я сказала совершенно случайно.

Я сама ещё ничего о ней не знала.

— А есть машина? — медленно спросила я.

— Я образно.

— Конечно.

— Вы психолог. Должны понимать образные выражения.

— А вы, судя по всему, очень хорошо понимаете, о чём я спрашиваю.

Он выдохнул.

— Послушайте. Алексей задолжал не только мне. Были люди, с которыми лучше было не связываться. Он связался.

— Какие люди?

— Это неважно.

— Для вас сегодня вообще удивительно много неважного.

— Просто держитесь подальше от этой истории.

— От истории или от людей?

— Ирина...

— От кого именно мне держаться подальше?

Связь оборвалась.

Я ещё несколько секунд сидела с телефоном возле уха.

Потом посмотрела на экран.

Вызов завершён.

— Какой приятный мужчина, — сказала я в пространство.

— Очень содержательная беседа.

— С кем?

Я дёрнулась так, что чуть не опрокинула кофе.

В дверях стояла Лена.

В одной руке у неё был секатор, в другой — огромная зелёная ветка. На голове повязан платок, футболка покрыта листьями, а выражение лица было настолько сосредоточенным, будто от следующего среза зависела судьба мировой флористики.

— Господи, Лена!

— Что?

— Нельзя бесшумно подходить к человеку с секатором.

Она посмотрела сначала на меня, потом на секатор.

— Я вообще-то на кухню пришла.

— С этим?

— Я работаю.

— Ты четвёртый день флорист.

— Именно. У меня уже есть опыт.

— Три с половиной дня?

— Не обесценивай чужой профессиональный путь.

С этим было сложно спорить.

Особенно с человеком, который ещё неделю назад соби-
рался изучать какую-то совершенно другую профессию и
уже выбирал для неё логотип.

Лена подошла к столу, сдвинула в сторону вазочку с сал-
фетками и только тогда увидела записку.

— А это что?

— Записка.

— Я вижу, что не борщ.

Она наклонилась.

— «Психолог должен заниматься живыми».

Потом посмотрела на меня.

— Миленько.

— Правда? Я тоже оценила стиль.

— Откуда она?

— Утром нашла.

— Где?

— Здесь.

Лена осмотрела кухню.

Потом снова меня.

— В доме?

— Нет, Лена. Мне её голубь принёс. В лапке.

— С тобой уже ничему не удивишься. У тебя гусь живёт.

Словно услышав, что речь идёт о нём, из коридора появился Аркадий.

Он вошёл на кухню неторопливо, с тем выражением достоинства, которое бывает только у гусей, британской королевской семьи и некоторых заведующих кафедрами.

За ним примчалась Ляля и сразу пристроилась возле моей ноги.

Следом появился Гоша.

Рыжий ориентал остановился в дверях, посмотрел на Лёну с веткой, на Аркадия, на меня — и, судя по морде, решил, что всё происходящее ниже его понимания.

Хотя для Гоши это было обычное состояние.

— Вот, — сказала я. — Голубей нам как раз не хватало.

— Не подкидывай себе идеи.

Лена снова потянулась к записке.

— Не трогай.

Рука зависла в воздухе.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Ирина, ты психолог.

— Спасибо, что напомнила.

— У тебя на кухне лежит анонимная угроза, которую нельзя трогать руками, ты кому-то звонишь и говоришь про долги покойника...

— Я не говорила «угроза».

— А что это?

Я посмотрела на записку.

— Недружелюбная письменная коммуникация.

Лена несколько секунд молчала.

— Иногда я завидую психологам. У вас даже «пошёл вон» можно оформить как нарушение личных границ.

— Именно поэтому мы учимся.

Она уселась напротив меня и отложила секатор.

Аркадий тут же заинтересовался веткой.

— Аркадий, нет.

Он посмотрел на меня.

— Я серьёзно.

Аркадий посмотрел на Лену.

— Даже не думай, — сказала уже она.

Гусь подумал.

И всё-таки откусил лист.

— Отлично, — вздохнула Лена. — Теперь он соавтор композиции.

— Считаю это признанием.

— Он её съел.

— Художники бывают беспощадны.

Лена забрала ветку у Аркадия и снова повернулась ко мне.

— Сергею показывала?

— Нет.

— Почему?

Я пожала плечами.

На самом деле я прекрасно знала почему.

Если рассказать Сергею про записку, он посмотрит на неё своим особенным взглядом, задаст несколько очень конкретных вопросов — и моё уютное «ну, какой-то идиот решил меня попугать» мгновенно превратится в проблему, которой надо заниматься.

А мне пока хотелось считать всё это идиотизмом.

Так жить спокойнее.

— Он начнёт разбираться.

— А ты чем занимаешься?

— Я разговариваю.

— С мужиком, который положил трубку?

— Это была не самая удачная сессия.

— Денег хоть взяла?

Я рассмеялась.

— Иди цветы режь.

Лена мгновенно оживилась.

— Кстати о цветах! Я сейчас покажу.

— Лена, нет.

— Ты ещё не видела.

— Именно поэтому моё «нет» пока такое уверенное.

Она уже исчезла.

Через несколько секунд из гостиной что-то грохнуло.
Мы с Аркадием одновременно повернули головы.
Гоша даже не шелохнулся.

Опыт.

— Всё нормально! — крикнула Лена.

Я закрыла глаза.

В нашей семье слова «всё нормально» никогда не означали, что всё нормально.

Они означали: не приходи сюда ближайшие пять минут, я пытаюсь скрыть последствия.

— Даже не спрашиваю, — сказала я.

— И правильно!

Я посмотрела под стол.

Ляля всё ещё сидела возле моей ноги. Где-то в глубине квартиры возмущённо мяукнул Васька, а следом пронёсся Нафаня, явно обнаруживший человека, который мог его покормить.

Обычное утро.

Если не считать анонимной записки и покойника с долгами.

Телефон завибрировал.

Марина.

«Вы можете сейчас говорить?»

Я быстро напечатала:

«Да. Что случилось?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Возле дома опять стоит та машина».

Я нахмурилась.

Машина.

Так.

Секунду назад Виктор сам прокололся именно на машине.

«Какая?»

Три точки появились, исчезли, появились снова.

«Я думала, я вам рассказывала».

Не рассказывала.

Я очень хорошо помнила то, что говорили мне клиенты.

Иногда это даже мешало жить. Человек сам давно забыл, что два года назад ненавидел соседку Тамару за переставленный на лестничной площадке велосипед, а ты помнишь.

Потому что мозг психолога устроен странно.

Где лежат ключи — неизвестно.

Кто что чувствовал в 2019 году — пожалуйста.

«Нет. Расскажите сейчас».

Марина ответила:

«Большая чёрная машина. Я не знаю марку. Она приезжала за несколько дней до смерти Лёши. Потом была в день похорон. Вчера вечером тоже стояла».

Я машинально посмотрела на записку.

Совпадения я люблю.

Но только хорошие.

Когда скидка в магазине совпадает с зарплатой — прекрасно.

Когда странная машина совпадает с покойником, долгами и анонимными записками — уже не так вдохновляет.

«Вы видели, кто в ней?»

Марина долго не отвечала.

Потом:

«Один раз видела мужчину».

«Вы его знаете?»

Тишина.

— Ира!

Я подняла голову.

Лена снова появилась в дверях.

На этот раз она несла цветочную композицию таких размеров, что за ней самой Лену было видно частично.

— Нет, — сказала я сразу.

— Ты даже не посмотрела!

— Я вижу, что она уже больше тебя.

— Это композиция.

— Это куст с амбициями.

Лена водрузила своё творение на стол.

Три белые розы, зелень, сухие ветви и длинная декоративная штука, которую при желании можно было использовать для приёма спутникового телевидения.

— Называется «Возрождение».

— Красиво.

Лена подозрительно посмотрела на меня.

— Ты сейчас издеваешься?

— Пока нет.

— Я чувствую.

— Это профессиональное чутьё флориста?

— Между прочим, я думаю открыть студию.

Я посмотрела на неё.

Она — на меня.

— Конечно, — сказала я.

— Вот опять этот тон.

— Какой?

— Такой же был у мамы, когда я решила заниматься нумерологией.

— Потому что ты занималась нумерологией неделю.

— Одиннадцать дней.

— Прости. Я вычеркнула из твоей биографии четыре дня стажа.

Телефон снова завибрировал.

Я посмотрела на сообщение.

Марина.

«Я не знаю его имени».

Следом пришло ещё одно.

«Но я видела его с Виктором».

Я перестала улыбаться.

— Что? — сразу спросила Лена.

— Ничего.

— У тебя сейчас было совершенно конкретное «ничего».

Я перечитала сообщение.

Виктор.

Виктор, который знал, кто я.

Виктор, который сам заговорил об Алексее.

Виктор, который случайно слишком быстро отреагировал на машину.

И Виктор, который советовал мне не лезть.

Я написала Марине:

«Машина сейчас у дома?»

«Да».

— Ира?

Я подняла палец.

Лена на удивление послушно замолчала.

«Не выходите. К машине не подходите. Если она уедет — напишите мне».

Отправила.

И почти сразу телефон завибрировал снова.

Я машинально решила, что Марина что-то добавила.

Но номер был незнакомый.

Сообщение состояло из одной фразы.

«Я же сказал вам не лезть».

На этот раз я перечитала дважды.

Потом посмотрела на записку.

Потом снова в телефон.

Лена наблюдала за мной из-за «Возрождения».

— Ну?

Я молча протянула ей экран.

Она прочитала.

Вернула телефон.

— Сергею.

— Лена...

— Даже не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— У тебя записка с угрозой и сообщения с незнакомого номера.

— Записка не...

— Недружелюбная письменная коммуникация, да. Ира, Сергею.

— Я сама разберусь.

Лена посмотрела на меня с искренним сочувствием.

— Конечно. А я к вечеру стану известным флористом. Давай обе сегодня помечтаем.

— Ты совершенно не умеешь поддерживать старшую сестру.

— Я поддерживаю. Я не даю тебе умереть от собственной любознательности.

Из коридора раздался голос:

— Кому умереть?

Мы обе замолчали.

Сергей стоял в дверях.

Уже в брюках.

Этот момент меня почему-то успокоил.

Вчера утром человек ещё был гостем. Сегодня он уже со-

вершенно естественно стоял посреди семейного бедствия в брюках и с выражением лица человека, который подозревал, что пока он отсутствовал минут двадцать, всё успело выйти из-под контроля.

В принципе, так и было.

Он оглядел кухню.

Сначала Лену.

Потом композицию.

Потом Аркадия, который снова тянулся к зелени.

Потом секатор.

Потом меня.

И наконец записку.

— Что произошло?

— Ничего, — сказала я.

— Она врёт, — одновременно со мной сказала Лена.

Я повернулась к ней.

— Родная кровь.

— Зато честная.

Сергей подошёл к столу и потянулся за запиской.

— Не трогай.

Он остановился.

Медленно посмотрел на меня.

— Почему?

— Вот теперь можно начинать с кофе.

— Ирина.

— Хорошо. С записки.

Он прочитал, не касаясь листка.

Потом поднял глаза.

— Когда?

— Утром.

— Где?

— Здесь.

— Кто заходил в дом?

— Никто.

— Дверь была закрыта?

Я вздохнула.

— Сергей, ты сейчас разговариваешь точь-в-точь как Лена.

— Не оскорбляй человека, — сказала Лена.

Сергей проигнорировал нас обеих.

— Кто такой Виктор?

Я посмотрела на сестру.

— Ты ему уже сказала?

— Я молчала.

— Пока вошёл, — уточнил Сергей. — Потом услышал достаточно.

— Потрясающий дом. Никакой приватности.

Аркадий рядом издал своё гусиное «га».

— Вот. Даже он согласен.

— Аркадий просто хочет съесть «Возрождение».

— И я его понимаю, — сказал Сергей.

Лена прижала композицию к себе.

— Ничего вы не понимаете в искусстве.

— Рассказывай, — сказал Сергей мне.

И вот это его спокойное «рассказывай» я не любила больше, чем любые вопросы.

Потому что Сергей не суетился.

Не причитал.

Не говорил: «Боже мой, какой ужас».

Он просто собирал факты.

А когда кто-то рядом начинает собирать факты, ты вдруг понимаешь, что у тебя их уже подозрительно много.

Пришлось рассказать.

Про Виктора.

Про долги Алексея.

Про его странную осведомлённость.

Про машину, на которой он прокололся.

Про Марину.

И про сообщение с незнакомого номера.

Сергей слушал спокойно.

Лена — почти спокойно.

Нафаня к этому моменту успел прийти, проверить, не кормят ли кого-нибудь без него, и устроился под столом.

Гоша запрыгнул на подоконник и теперь смотрел на нас так, будто давно знал убийцу, но не собирался вмешиваться в человеческую глупость.

— Номер сохрани, — сказал Сергей.

— Уже.

— Не отвечай.

— Я не собиралась.

Он посмотрел на меня.

— Ирина.

— Что?

— Не отвечай.

— Я поняла.

Лена хмыкнула.

— Он тебя быстро изучил.

— Лен.

— Молчу.

Телефон завибрировал.

На этот раз действительно Марина.

«Машина уезжает».

Следом пришла фотография.

Снятая из окна, немного смазанная. Чёрная машина уже выезжала со двора. Номер почти не читался.

Но рядом стоял мужчина.

Высокий. В тёмной куртке.

Он почему-то смотрел прямо в сторону окна Марины, словно прекрасно знал, что она там.

— Покажи, — сказал Сергей.

Я протянула телефон.

Он увеличил фотографию.

И замер.

Совсем ненадолго.

Если бы я не смотрела на него, скорее всего, даже не заметила бы.

Но я смотрела.

— Что? — спросила я.

Сергей увеличил изображение ещё сильнее.

— Ты его знаешь?

Он не ответил.

Лена перестала поправлять цветы.

Даже я не шутила.

— Сергей?

Он наконец поднял глаза.

— Знаю.

— Кто это?

Сергей снова посмотрел на фотографию, будто надеясь, что изображение сейчас передумает и станет кем-нибудь другим.

— Он не может быть возле дома Марины.

— Почему?

Сергей положил мой телефон на стол.

— Потому что он умер.

Я нахмурилась.

— Когда?

Он посмотрел на меня.

— Три года назад.

Где-то под столом Нафаня зашуршал пакетом.

Аркадий снова потянулся к Лениному «Возрождению».

А я смотрела на фотографию мёртвого человека возле дома другого мёртвого человека и неожиданно подумала, что анонимная записка всё-таки была права.

Психологу действительно лучше заниматься живыми.

Жаль только, что живые, судя по всему, совершенно не собирались оставлять меня в покое.

ГЛАВА 5

Ночь у нас прошла под лозунгом «Никто не паникует».

Паниковали все.

Лена закрыла шторы во всех комнатах, включая кухню, где штор вообще почти не было, поэтому она каким-то образом приспособила полотенце.

Сергей проверил дверь.

Потом ещё раз проверил дверь.

Потом вышел на лестничную площадку, осмотрелся и вернулся.

— Никого.

— А кого ты ожидал? — спросила я. — Мужчину в чёрном плаще с табличкой «это я вам угрожаю»?

— Не знаю. Но если кто-то следит за тобой, логично проверить.

— Логично не следить за психологами. У нас и так тревожность профессиональная.

Лена сидела на диване с моим телефоном и перечитывала сообщения.

— «Вы не умеете слушать». «А психолог вроде должны». «Зато вы слишком много смотрите».

Она подняла глаза.

— И тебя больше всего сначала задела грамматика?

— Я многогранная личность.

— Ира, это ненормально.

— Грамматика?

— СИТУАЦИЯ!

— А. Да. Согласна.

Аркадий прошёл между нами и остановился возле журнального столика.

На столике лежала фотография чёрной машины, которую прислала Марина.

Он вытянул шею.

— Нет, — сказала я.

— Га.

— Даже не думай.

— Он съест улику, — заметил Сергей.

— Это не улика.

— А что?

— Фотография из телефона.

— Ты сейчас специально уходишь в терминологию?

— Конечно.

Мне всегда легче, когда можно спорить о словах.

Слова предсказуемы.

Люди — редко.

Лена снова посмотрела на снимок.

— Ты уверена, что видела именно эту машину?

— Я видела чёрную машину.

— С вороном?

— Вот ворона не помню.

— А Марина говорит, что видела такую возле своего дома?

— Возможно похожую.

— И возле дома брата.

— Возможно.

Лена раздражённо бросила телефон рядом.

— Ты можешь хоть раз сказать: «Да, всё очень подозрительно»?

— Да. Всё очень подозрительно.

— Спасибо.

— Но это ничего не доказывает.

— Господи.

Сергей усмехнулся.

— Она так со всеми?

— Да.

— Я предупреждала, — сказала я. — Психологи ужасные люди для бытовых конфликтов. Вы хотите просто поругаться, а мы начинаем уточнять формулировки.

— Поэтому у тебя нет мужа? — спросила Лена.

Я посмотрела на неё.

— Ты сейчас очень близка к тому, чтобы ночевать у Сергея.

— Я и так иногда ночую у Сергея.

— Тогда угроза не работает.

— Не работает.

— Надо пересмотреть систему наказаний.

Гоша внезапно выскочил из-за кресла, пробежал через комнату боком, затормозил возле стены и уставился вверх.

Все посмотрели туда же.

Ничего.

— Что он видит? — тихо спросил Сергей.

— Лучше не знать, — ответила Лена.

— Если там паук, я уеду.

— Тебе угрожают неизвестные люди, но паук станет последней каплей? — спросил Сергей.

— У неизвестных людей обычно две ноги.

— Справедливый аргумент.

Я посмотрела на фотографию ещё раз.

Чёрная машина.

Подвеска с вороном.

Марина уверяет, что эта машина появлялась возле её дома ещё до смерти Алексея.

Такая же стояла возле дома Алексея, когда я разговаривала с соседкой.

Возможно.

Теперь неизвестный пишет мне, что я слишком много смотрю.

И Виктор знает или предполагает, что я ездила к дому его покойного шурина.

Список людей, которые хотели, чтобы я перестала интересоваться этой историей, рос гораздо быстрее, чем список тех, кто хотел помочь Марине восстановить память.

Это не нравилось мне больше всего.

— Завтра в полицию, — сказал Сергей.

— Посмотрим.

— Ира.

— Я не сказала нет.

— Ты сказала «посмотрим». Это твоё образованное «нет».

— Завтра посмотрим.

Он покачал головой.

Мне нравился Сергей.

Особенно в брюках.

Следующее утро началось с носка на люстре.

Я даже не сразу его заметила.

Сделала кофе, выпустила Аркадия, проверила миски, открыла холодильник, несколько минут пыталась понять, за чем вообще его открыла, закрыла.

Потом подняла глаза.

На кухонной люстре висел голубой носок с лимонами.

Я поставила чашку.

— Нет.

Сергей, сидевший за столом, тоже посмотрел вверх.

Сегодня он был полностью одет.

Человек учился.

— Как?

— Это я хотела спросить.

Лена появилась с цветами.

— Что?

Я показала.

Она посмотрела.

— Не знаю.

— Это мой носок.

— Я вижу.

— Почему он там?

— Может, Гоша.

Я посмотрела на кота.

Гоша сидел на подоконнике и умывался.

— Он не умеет бросать настолько высоко.

Сергей задумался.

— Аркадий?

Мы посмотрели на гуся.

Аркадий пил воду.

— У него нет рук, — сказала Лена.

— Это не мешало ему украсть пирог у соседки, — заметила я.

— Какой пирог?

— Долгая история.

Я взяла веник и сняла носок.

Сергей внимательно наблюдал.

— Ты часто находишь одежду на люстрах?

— Нет.

Лена кашлянула.

— Не очень часто.

— Один раз до этого!

— Два.

— Когда второй?

— В прошлом году.

— Это не считается. Я не помню.

— Очень удобная система.

Я посмотрела на неё.

— У меня через час клиент.

— Ты успеешь?

— Конечно.

— Тогда почему ты до сих пор в халате?

Я посмотрела вниз.

— Потому что час — это очень много.

Сергей фыркнул.

— Я уже начинаю понимать.

— Что?

— Почему первый клиент не раньше двенадцати.

— Вот. А сначала осуждал.

— Я не осуждал.

— Внутренне.

— Ты мысли не читаешь.

— Спасибо, что запомнил.

Телефон завибрировал.

Неизвестный номер.

Я моментально напряглась.

Сообщение?

Нет.

Пропущенный звонок.

Я посмотрела.

Тот же номер, с которого приходили сообщения?

Нет.

Другой.

Прекрасно.

У меня начиналась коллекция.

— Не бери, — сказала Лена.

— Уже перестал звонить.

— Заблокируй.

— А вдруг клиент?

— Клиенты пишут.

— Умные клиенты пишут.

— Все твои клиенты уже обучены.

Это было почти правдой.

Я пошла одеваться.

В кабинете первый клиент пришёл с обычной человеческой проблемой.

И это было прекрасно.

Отношения.

Муж.

Свекровь.

Границы.

Никаких мёртвых братьев, чёрных машин, воронов и записок под дворниками.

Я почти наслаждалась.

Потом был второй клиент.

Тоже обычный.

Даже немного скучный.

Я никогда раньше не думала, что когда-нибудь начну ценить скучные сессии как спа-процедуру.

После второго клиента секретарь написала, что ко мне пришла женщина без записи.

У меня не было секретаря.

Кабинет я снимала в небольшом психологическом центре, и администратор периодически выполняла роль человека, который сообщает новости, пока я сама пытаюсь вспомнить, где оставила телефон.

Женщина ждала в коридоре.

— Она сказала имя?

— Оксана.

Я замерла.

Вот и закончился спа.

— Фамилия?

Администратор назвала.

Мне хватило.

Оксана.

Жена Алексея.

Я несколько секунд сидела, глядя на дверь.

В обычной ситуации родственники клиента не приходят к психологу без приглашения.

Тем более родственники, о которых психолог знает исключительно со слов клиента.

Тем более вдова человека, чью смерть психолог совершенно случайно начал расследовать, хотя никому не обещал.

— Пусть зайдёт.

Оксана вошла через минуту.

Она была красивой.

Не той демонстративной красотой, которая входит в комнату раньше человека. Скорее собранной, ухоженной, спокойной.

Лет сорок пять.

Тёмные волосы, хороший костюм, минимум украшений.

Только спокойствие было слишком аккуратным.

Почти как у Марины в нашу первую встречу.

Я начинала подозревать, что в этой семье спокойствие вообще передаётся по наследству вместе с умением скрывать информацию.

— Ирина?

— Да.

— Я Оксана.

— Я поняла.

Она села.

— Марина говорила обо мне?

— Я не обсуждаю содержание работы с клиентом.

— Я не за этим.

— Тогда за чем?

Она посмотрела на меня.

— Я хочу попросить вас прекратить.

— Что именно?

— Копаться в её памяти.

Интересно.

Прямо с порога.

— Я не «копаюсь» в памяти Марины.

— Она пытается что-то вспоминать.

— Это происходит независимо от меня.

— Но вы ей помогаете.

— Я помогаю ей не пугаться того, что с ней происходит,

и отделять воспоминания от предположений.

Оксана нервно провела пальцем по ручке сумки.

— Лучше бы она ничего не вспоминала.

Вот.

Ещё один человек.

Я откинулась в кресле.

— Почему?

— Потому что прошлое должно оставаться в прошлом.

— Очень популярная фраза в вашей семье.

Она подняла глаза.

— Что?

— Ничего.

— Вы не понимаете.

— Возможно. Поэтому и спрашиваю.

— Алексей умер.

— Да.

— Его уже не вернуть.

— Я согласна.

— Тогда зачем это всё?

— Что «всё»?

— Вопросы. Дом. Машина.

Я замерла.

— Какая машина?

Оксана поняла слишком поздно.

Её лицо изменилось буквально на долю секунды.

Но мне хватило.

— Я просто...

— Какая машина, Оксана?

— Марина что-то говорила.

— Я не сказала, что Марина говорила мне о машине.

Она посмотрела в сторону.

Интересно.

Очень.

— Оксана, зачем вы пришли?

— Я сказала.

— Нет. Вы пришли попросить меня остановить воспоминания Марины. Но пока я не понимаю, чего именно вы боитесь.

— Я ничего не боюсь.

— Тогда почему вы здесь?

Она раздражённо выдохнула.

— Потому что Марина больна.

— У неё есть диагноз?

— Я не в этом смысле.

— Тогда не будем использовать диагнозы, которых нет.

— Вы всё превращаете в слова.

— Это часть профессии.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом я открыла телефон.

Фотографию чёрной машины показывать было сомнительно.

Очень.

Но я уже находилась в той части профессиональной этики, где мой внутренний супервизор давно сидел в углу и плакал.

Я повернула экран так, чтобы Оксана могла увидеть только машину.

— Вы знаете этот автомобиль?

Её реакция была быстрой.

Слишком.

Взгляд сразу упал не на номер.

Не на марку.

На подвеску.

На ворона.

Она побледнела.

И тут же взяла себя в руки.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда почему испугались?

— Я не испугалась.

— Оксана.

— Я просто не ожидала.

— Чего?

— Ничего.

Я убрала телефон.

— Хорошо.

— Ирина...

Она встала.

— Остановите Марину.

— Я не могу и не буду запрещать взрослому человеку
вспоминать собственную жизнь.

— Тогда хотя бы не подталкивайте.

— Этого я как раз не делаю.

Оксана взяла сумку.

У двери обернулась.

— Вы думаете, что помогаете ей.

— А вы думаете, что защищаете?

Она ничего не ответила.

И ушла.

Я сидела ещё несколько минут.

Теперь людей, которые хотели, чтобы Марина ничего не
вспоминала, было уже трое.

Виктор.

Оксана.

И неизвестный человек, которому особенно не нравилось, что я смотрю.

Очень дружная семья.

Лена позвонила мне примерно через час.

Именно позвонила.

Не написала.

Учитывая, что она прекрасно знала моё отношение к звонкам, это автоматически означало что-то важное.

— Что случилось?

— Ира, я сейчас возле цветочного.

На заднем фоне гудели машины.

— И?

— Здесь машина.

У меня внутри всё напряглось.

— Какая?

— Чёрная.

— Лен, в городе много чёрных машин.

— С вороном.

Я встала.

— Не подходи.

— Подожди.

— Лена, стой где стоишь.

— Мне кажется, я знаю этого мужика.

Вот теперь стало совсем плохо.

— Откуда?

— Я его видела.

— Где?

— У тебя.

— В каком смысле у меня?

— Дома.

Я несколько секунд не понимала.

— Когда?

— Недели три назад.

Три недели.

То есть ещё до того, как Марина пришла ко мне.

— Лена, объясни нормально.

— Он приходил. Тебя не было. Сказал, что хочет попасть к тебе на консультацию.

В голове мгновенно всплыло.

Мужчина, который спрашивал меня дома.

Тот, которому Лена дала мой номер.

— Это он?

— По-моему, да.

— Ты уверена?

— Не на сто процентов. Но похож.

Я схватила сумку.

— Отойди от машины.

— Он сидит внутри.

— Тем более.

— Ира, я просто посмотрю.

— НЕТ.

Несколько человек в коридоре обернулись.

Мне было всё равно.

— Лена, слушай меня. Зайди обратно в магазин.

— Он меня увидел.

— Лена.

Тишина.

— Лена?!

— Он выходит.

Я уже бежала к двери.

— Уйди от него.

— Подожди...

На заднем плане послышался мужской голос.

Не разобрала слов.

— ЛЕНА!

— Ира...

Голос сестры стал тише.

— Он идёт ко мне.

Связь оборвалась.

ГЛАВА 6

Я не помню, как спустилась к машине.

Вообще.

Не потому что у меня начались провалы памяти вслед за Мариной.

Просто иногда мозг выбрасывает из записи всё, что считает несущественным.

Лифт.

Коридор.

Ключи.

Парковка.

Остаётся только одна мысль:

Лена.

Я набрала её номер.

Не отвечает.

Ещё раз.

Не отвечает.

— Возьми трубку.

Третий раз.

Гудки.

Я уже выезжала с парковки.

— Возьми ты трубку, господи!

Ответила.

— Алло?

— Ты где?!

— Здесь.

— ГДЕ ЗДЕСЬ?

— Возле магазина.

— Он рядом?

— Да.

— Лена!

— Не ори.

— Я сейчас приеду.

— Ира, всё нормально.

— Что нормально?!

— Он просто разговаривает.

— С незнакомым мужчиной, который следит за...

Я вовремя остановилась.

Я не знала, следил ли он.

Пока.

— Зайди в магазин.

— Подожди.

На заднем фоне опять слышался мужской голос.

— Дай ему телефон.

— Зачем?

— ЛЕНА.

— Господи.

Шорох.

Потом незнакомый мужчина сказал:

— Ирина?

Голос был спокойный.

Мне это сразу не понравилось.

Люди, из-за которых я мчусь через город, должны хотя бы немного нервничать.

— Кто вы?

— Денис Карелин.

— И?

— Думаю, нам стоит поговорить.

— Сначала отойдите от моей сестры.

Пауза.

— Хорошо.

— И дайте ей телефон.

Через секунду Лена сказала:

— Я здесь.

— Ты цела?

— Господи, да.

— Он тебя трогал?

— Нет!

— Угрожал?

— Нет.

— Почему ты не отвечала?

— Потому что разговаривала!

— Телефон существует именно для таких ситуаций.

— Ты ненавидишь звонки.

— СЕЙЧАС НЕ ОБО МНЕ

Лена замолчала.

Потом тихо:

— Он знает Марину.

Я перестала ругаться.

— Что?

— И Алексея.

Прекрасно.

— Я буду через десять минут.

— Только не убей кого-нибудь по дороге.

— Я психолог.

— Это не гарантирует.

Отключилась.

Через двенадцать минут я увидела Лену.

Она стояла возле цветочного магазина целая, невредимая и раздражающе спокойная.

Рядом был мужчина.

Чёрная машина стояла у бордюра.

Под зеркалом действительно висел ворон.

Я припарковалась так, как паркуются люди, которым совершенно всё равно, красиво ли они встали.

Вышла.

— Ты нормальная?

— Добрый день и тебе.

Я обняла её.

Слишком резко.

Лена удивилась.

— Я же сказала, всё нормально.

— Ты сказала «он идёт ко мне» и отключилась!

— Связь пропала.

— Конечно. Потому что Вселенная ненавидит меня.

Только после этого я посмотрела на мужчину.

Около сорока пяти.

Ухоженный.

Спокойный.

Тёмное пальто, хорошая обувь, никакого ощущения уличного психопата.

Что, разумеется, ничего не значило.

Серийные убийцы тоже иногда гладят рубашки.

— Денис Карелин, — сказал он.

— Уже слышала.

— Хотел бы объяснить.

— Начните с того, почему три недели назад вы пришли ко мне домой.

Он посмотрел на Лену.

— Я хотел с вами поговорить.

— Люди, которые хотят со мной поговорить, обычно записываются.

— Я пытался.

— Через мою квартиру?

— Неудачный вариант.

— Очень.

Лена тихо сказала:

— Я ему номер дала.

Я повернулась.

— Я помню.

— Не начинай.

— Даже не собиралась.

Собиралась.

Но позже.

— Вы знали, что Марина придёт ко мне? — спросила я Дениса.

Пауза.

Вот.

Наконец что-то интересное.

— Предполагал.

— Почему?

— Потому что ей вас посоветовали.

— Кто?

Он улыбнулся совсем немного.

— Вот это лучше спросить у Марины.

— Она не помнит.

— Конечно.

Это «конечно» мне не понравилось.

— Что значит «конечно»?

— То и значит.

— Вы очень любите отвечать загадками?

— Нет. Просто не уверен, что имею право рассказывать чужие семейные истории.

Я почти рассмеялась.

— Поздновато вспомнили про границы.

Он выдержал взгляд.

— Возможно.

— А чёрная машина ваша?

— Да.

— Ворон тоже ваш?

Он посмотрел на подвеску.

— Подарок.

— Вы были возле дома Алексея два дня назад?

— Был.

— Следили за мной?

— Нет.

— За Мариной?

— Нет.

— Тогда зачем стояли там?

— У меня там дела.

— Какие?

— Личные.

Мне очень хотелось ударить его чем-нибудь психологическим.

Например, диагностическим справочником.

— Лена, — сказал Денис, — я говорил вам: вашей сестре

не стоит верить всему, что говорит Марина.

Я повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что Марина умеет очень убедительно рассказывать то, во что хочет верить.

— Все умеют.

— Она особенно.

— Вы давно её знаете?

— Давно.

Вот теперь становилось совсем интересно.

— Насколько давно?

Он посмотрел на часы.

— Думаю, лучше поговорить не на улице.

— Согласна.

— Здесь рядом кафе.

— Я поеду с вами, — сказала Лена.

— Нет.

— Ира.

— Ты работаешь.

— Я уже не работаю.

— Почему?

— Ты позвонила и устроила мне эвакуацию.

— Возвращайся.

— Я тебя одну не оставлю.

— Я не одна.

Мы обе посмотрели на Дениса.

— Именно поэтому, — сказала Лена.

Пришлось звонить Сергею.

Он ответил со второго гудка.

— Что случилось?

Я даже немного оскорбилась.

— Почему все начинают разговор со мной именно так?

— Потому что ты звонишь.

Справедливо.

В кафе мы сели за столик у окна.

Денис напротив.

Лена рядом со мной.

Сергей приехал минут через пятнадцать и сел с краю.

Он ничего не спрашивал.

Просто пришёл.

За это я мысленно добавила ему несколько пунктов.

И да.

Он был в брюках.

В стрессовых ситуациях стабильность особенно важна.

— Итак, — сказала я. — Алексей.

Денис откинулся на спинку стула.

— Мы были партнёрами.

— По бизнесу?

— Да.

— Какому?

— Недвижимость.

— Давно?

— Несколько лет.

— На момент его смерти?

— Уже нет.

— Почему разошлись?

— Деньги.

Я посмотрела на Лену.

Она посмотрела на меня.

В этой истории деньги начинали появляться чаще, чем люди.

— Алексей был вам должен?

— Да.

— Много?

— Достаточно, чтобы злиться.

Пауза.

— Но недостаточно, чтобы убивать.

Сергей первым спросил:

— Кто сказал про убийство?

Денис посмотрел на него.

Потом на меня.

— Никто.

— Тогда зачем уточнили? — спросила я.

Он улыбнулся.

— Профессиональная деформация заразна?

— Нет. Он просто нормальный человек.

— Иногда, — сказал Сергей.

— Денис, — продолжила я, — вы знаете Виктора?

— Да.

— Тоже по бизнесу?

— В основном через Алексея.

— Виктор должен был вам деньги?

Денис задержал взгляд.

— Когда-то.

— Всё интереснее.

— Это не связано.

— Все почему-то говорят, что ничего не связано, а потом оказывается, что они двадцать лет знакомы, спят друг с другом и должны друг другу деньги.

Денис посмотрел на меня.

— Про «спят друг с другом» вы пока не спрашивали.

Я замолчала.

Лена очень медленно повернула голову к нему.

Сергей тоже.

Вот.

Сам принёс.

— С кем вы спали? — спросила я.

— Ира, — тихо сказала Лена.

— Что? Он сам начал.

Денис посмотрел в окно.

— С Оксаной.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

— Женой Алексея?

— Да.

— До его смерти?

— Да.

— После?

— Это имеет значение?

— Теперь мне интересно всё.

— До.

— Алексей знал?

— Не знаю.

— Марина?

— Не думаю.

— Виктор?

— Возможно.

— Как долго?

— Почти год.

Я потёрла переносицу.

Человеческие отношения иногда напоминают шкаф, в который кто-то годами запихивал вещи, не складывая.

Открываешь дверцу — и на тебя падает всё сразу.

— Где вы были утром, когда погиб Алексей?

Денис не удивился вопросу.

— С Оксаной.

Я перестала писать.

— Где?

— У меня.

— Во сколько?

— Она приехала около пяти утра.

Лена моргнула.

— Утром?

Денис посмотрел на неё.

— Да.

— Романтичное время.

— Лена, — сказала я.

— Молчу.

— До скольких она была у вас?

— Примерно до половины девятого.

Вот теперь вся моя внутренняя доска с ниточками резко перестроилась.

— Алексей погиб позже.

— Да.

— Почему Оксана не сказала полиции, что была с вами?

Денис усмехнулся без радости.

— Потому что попросила меня соврать.

— Что именно сказать?

— Ничего. Если спросят — не подтверждать.

— Какое алиби она дала полиции?

— Что была дома.

— Она была с вами.

— Да.

— С пяти до восьми тридцати.

— Примерно.

— А потом?

Денис помолчал.

— Ей позвонили.

— Кто?

— Не знаю.

— Вы слышали разговор?

— Нет. Она вышла в другую комнату.

— Когда?

— Около восьми.

— И?

— Вернулась уже другой.

— В каком смысле?

— Нервной. Сразу начала собираться.

— Что сказала?

— Что надо домой.

— Почему?

— Не объяснила.

— И уехала около половины девятого?

— Да.

Я записала.

Если соседка права, Марина появилась у Алексея после девяти.

Оксана к этому времени уже могла быть дома.

Виктор видел Марину около девяти и потом лёг спать.

Количество людей с неполными алиби начинало выглядеть почти неприлично.

— Почему вы сейчас мне это рассказываете?

— Потому что Оксана уже приходила к вам.

Я подняла голову.

— Откуда вы знаете?

— Она сказала.

— Когда?

— Сегодня.

— Вы с ней общаетесь?

— Иногда.

— И она рассказала, что приходила ко мне?

— Да.

— Быстро у вас распространяется информация.

— Семья.

— Вы не семья.

Он улыбнулся.

— Именно.

— Записку мне вы оставляли?

— Нет.

— Звонили после поездки к дому?

— Нет.

— Сообщения писали?

— Нет.

— «Вы не умеете слушать»?

— Нет.

— «Психолог должен заниматься живыми»?

На его лице действительно появилось удивление.

Небольшое.

Но настоящее.

— Нет.

— А кто?

— Не знаю.

Я смотрела на него.

— Правда не знаю, — повторил он.

— Тогда почему вы вообще были возле дома Алексея?

Денис помолчал.

— Иногда я приезжаю к Оксане.

Вот оно.

— То есть машина была ваша.

— Если вы говорите о чёрной BMW — да.

— С вороном.

— Да.

— Марина утверждает, что видела её возле своего дома ещё до смерти брата.

Он очень медленно поднял взгляд.

— Вот это уже интереснее.

— Вы туда приезжали?

— Нет.

— Уверены?

— Абсолютно.

— Значит, Марина ошибается?

— Возможно.

— Или вы врёте.

— Возможно.

Мне даже понравилось.

Наконец человек, который не пытается убедить меня, что он святой.

— Вы сказали Лене, что я не должна верить Марине.

— Не всему.

— Почему?

Денис поставил чашку.

— Потому что Марина умеет не помнить.

Я почувствовала холод внутри.

— Что это значит?

— Именно то.

— Нет. Это ничего не значит.

Он вздохнул.

— Вы психолог. Вы знаете, что люди иногда забывают не потому, что событие исчезло из памяти.

— Если вы хотите рассказать мне про вытеснение, лучше не надо.

— Я хочу сказать другое. Марина очень убедительна, когда хочет чего-то не помнить.

— Откуда вы знаете?

Он посмотрел прямо на меня.

— Спросите её про дачу.

— Какую?

— Старую семейную.

Теперь я вспомнила фотографию.

Деревянный дом.

Четыре молодых человека.

— Лето девяносто восьмого?

На секунду Денис перестал быть спокойным.

Совсем немного.

— Значит, фотографию вы уже видели.

Я сразу заметила формулировку.

— Откуда вы знаете о фотографии?

Он не ответил.

— Денис.

— Спросите Марину, что произошло летом девяносто

восьмого.

— Что произошло?

— Это должна рассказать она.

— Она не помнит.

— Вот именно.

Он встал.

— Ирина, я серьёзно. Не оставайтесь одна, пока не пойдёте, кто пишет вам эти сообщения.

Сергей посмотрел на него.

— Это угроза?

— Нет.

— Тогда предупреждение?

— Совет.

— Откуда он у вас?

Денис взял пальто.

— Потому что я знаю этих людей дольше, чем Ирина.

— Каких?

Он посмотрел на меня.

— Семью.

Потом на Сергея.

— Не оставляйте её одну.

И ушёл.

Лена смотрела ему вслед.

— Очень приятный человек.

— Почему?

— Пришёл, рассказал про измену, долги, ложное алиби, старую дачу, предупредил, что тебя нельзя оставлять одну, и ушёл.

Сергей кивнул.

— Хорошее свидание.

— Это не свидание.

— Я знаю.

— Тогда зачем говоришь?

— Проверяю, реагируешь ли.

Я посмотрела на них.

— Вы оба раздражаете.

— Значит, всё нормально, — сказала Лена.

Домой я приехала не одна.

Сергей довёз Лену, потом остался у нас.

Никто вслух не сказал, что это из-за слов Дениса.

Просто остался.

Лена заказала еду.

Я проверила дверь.

Потом поймала себя на том, что делаю то же самое, за что вчера подшучивала над Сергеем.

Прекрасно.

Тревога передаётся бытовым путём.

Аркадий встретил нас громко.

Ляля — ещё громче.

Гоша зачем-то сидел в пакете.

Васька посмотрел и решил, что наши проблемы его не касаются.

Нафаня моментально выбрал Сергея, потому что именно у него оказался пакет с едой.

Мир снова был понятным.

Почти.

Телефон завибрировал.

Марина.

«Ирина, я нашла ещё одну фотографию».

Я села.

«Какую?»

Через несколько секунд пришёл снимок.

Старая фотография.

Тот же деревянный дом.

Лето.

Четыре молодых человека.

Марина.

Алексей.

Катя.

И парень.

На обороте, который Марина сфотографировала отдельно, была надпись:

«Дача. 1998 год. Последнее лето вместе».

Я приблизила лицо четвёртого.

Фотография старая, качество плохое.

Черты почти не различимы.

Но на шее у него висел кулон.

Птица.

Ворон.

У меня по коже прошёл холод.

Я написала:

«Вы знаете, кто это?»

Марина ответила:

«Нет».

Следующее сообщение:

«Я вообще не помню, что нас было четверо».

Я смотрела на фотографию.

— Что там? — спросила Лена.

— Пока не знаю.

Марина написала:

«Катю помню. Лёшу, конечно. Себя. А его нет».

Я приблизила кулон.

Ворон.

Не обязательно тот же символ.

Не обязательно связь.

В конце девяностых люди тоже носили кулоны.

Птицы вообще существовали задолго до моего расследования.

Я начинала мыслить как человек, которому очень хочется, чтобы совпадение оказалось совпадением.

Телефон зазвонил.

Не сообщение.

Звонок.

Номер скрыт.

Я посмотрела на Сергея.

Он заметил.

— Бери.

— Я ненавижу это слово.

— Ответь.

Я включила громкую связь.

— Алло?

Несколько секунд тишины.

Потом мужской голос.

Тот же?

Кажется, да.

Тот, который звонил после дома Алексея.

— Нашли фотографию?

Я ничего не ответила.

Лена медленно села рядом.

— Кто вы?

— Неважно.

— Для меня важно.

— Спросите Марину.

— О чём?

— Что произошло на даче летом девяносто восьмого.

Я почувствовала, как всё внутри собирается.

— Вы знаете Марину?

Тихий смешок.

— Лучше, чем она хочет помнить.

— Вы на фотографии?

Пауза.

— Кто вы?

И тогда он сказал:

— Тот, кого Марина очень старалась забыть.

Связь оборвалась.

Я смотрела на телефон.

Никто не говорил.

Даже Лена.

Даже Аркадий почему-то молчал.

Передо мной лежала фотография четырёх молодых людей.

Лето 1998 года.

Марина.

Алексей.

Катя.

Неизвестный парень с вороном на шее.

Двадцать восемь лет спустя Алексей был мёртв.

Марина не помнила, что произошло в то лето.

А человек, которого она якобы забыла, прекрасно помнил её.

Оставалось понять всего две мелочи.

Что случилось с этими четырьмя летом 1998 года?

И какое отношение это имеет к тому, что теперь Алексей мёртв?

ГЛАВА 7

Родственники хуже полиции хотя бы потому, что у них есть ключи

Утро следующего дня началось подозрительно хорошо.

Я проснулась сама. Не от Аркадия, не от звонка, не от сообщения неизвестного мужчины, который знает о событиях 1998 года больше, чем моя клиентка. И даже не от Лены.

Просто открыла глаза, посмотрела в потолок и несколько секунд лежала совершенно счастливая, пока мозг не включился и не напомнил мне всё сразу.

Алексей. Марина. Денис. Оксана. Дача. Фотография. Ворон. Неизвестный мужчина. «Тот, кого Марина очень старалась забыть».

Я натянула одеяло на голову.

Нет.

Сегодня не хочу.

Иногда психолог имеет право не анализировать. Не знаю, где именно это прописано, но я сейчас мысленно внесла соответствующую поправку в профессиональный кодекс.

Я решила, что до кофе никаких убийств в моей жизни не существует.

Именно в этот момент на кровать запрыгнула Ляля и наступила мне на живот.

— Доброе утро.

Ляля облизала мне нос.

— Очень доброе. Особенно теперь.

Васька лежал в ногах и даже не открыл глаза. В этом коте меня всегда восхищала способность не участвовать в чужих проблемах. Возможно, именно Васька достиг того уровня психологической зрелости, к которому я годами веду клиентов.

Гоши нигде не было.

Это настораживало.

Когда в доме тихо и не видно ориентала, радоваться нельзя. Это правило я выучила давно.

— Гоша?

Тишина.

— Гошенька?

Ничего.

Я села.

— Георгий!

Из коридора что-то упало.

Вот.

Жив.

Я накинула халат и пошла выяснять масштабы ущерба.

Гоша сидел возле перевёрнутой корзины с бельём и смотрел на меня с таким искренним удивлением, словно сам только что пришёл и впервые увидел весь этот бардак.

Вокруг лежали мои вещи.

В основном носки.

Много.

Я даже сама не подозревала, что у меня их столько.

Один висел на дверной ручке. Второй каким-то образом оказался возле миски Нафани. Третий Гоша держал в зубах.

— Вот объясни мне, зачем?

Он посмотрел на меня.

— У тебя игрушек полный дом.

Гоша бросил носок и пошёл прочь.

— Нет, стой. Разговор не окончен.

Не остановился.

Я вздохнула.

В воспитании животных у меня есть один существенный профессиональный недостаток: я действительно считаю, что каждый имеет право быть собой.

В результате все и были собой.

Особенно Гоша.

И особенно Аркадий.

Аркадия я обнаружила на кухне. Он стоял возле холодильника и смотрел на него с той сосредоточенностью, с которой некоторые люди смотрят на икону.

— Даже не думай.

— Га.

— Я тебя знаю.

— Га.

— Ты ел.

— Га-а.

— Не манипулируй.

Из-за стола донёсся голос Лены:

— Ты понимаешь, что со стороны это выглядит как семейная ссора?

Я повернулась.

Она сидела с ноутбуком, кофе и очень серьёзным лицом. Рядом лежали цветы.

— Ты опять флорист?

— Не опять. Всё ещё.

— Третий день?

— Четвёртый.

Я посмотрела на неё с уважением.

— Лен, это уже почти профессия.

— Иди ты.

— Я хвалю!

— Я тебя знаю.

Нафания сидел у её ног и преданно смотрел на бутерброд.

Я показала на него.

— Не давай.

— Я не даю.

— Он толстеет.

— Он маленький.

— Маленький тоже может толстеть.

Нафания перевёл взгляд на меня, понял, что поддержки здесь не будет, и снова посмотрел на Лену.

Предатель.

Ляля, наоборот, пришла ко мне и села рядом.

Вот.

Любовь.

Настоящая.

Без бутерброда.

Хотя, если честно, если бы бутерброд был у меня, чистота эксперимента оказалась бы под вопросом.

Я сделала кофе и только собралась насладиться первым глотком, когда раздался звонок в дверь.

Мы с Леной одновременно замерли.

После последних событий дверной звонок перестал быть обычным бытовым звуком.

Лена посмотрела на меня.

Я на неё.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет.

— Сергей?

— У него есть телефон.

Звонок повторился.

Гоша моментально побежал к двери. Ляля залаяла. Нафания тоже, хотя минуту назад был полностью занят бутербродом. Аркадий вытянул шею.

Я поставила чашку.

— Никто не открывает.

— Ира, это квартира, а не бункер.

— Последний человек, которому ты открыла, теперь фи-

гурирует в расследовании.

— Один раз ошиблась.

— Зато качественно.

Я подошла к двери и посмотрела в глазок.

Потом закрыла глаза.

— Нет.

— Кто? — прошептала Лена.

Я снова посмотрела.

Не исчезли.

— Тётя Валя.

Лена тоже закрыла глаза.

Вот теперь мы действительно испугались.

Потому что неизвестный мужчина — это ещё вопрос.

А тётя Валя — факт.

Мамина двоюродная сестра приезжала редко, внезапно и всегда «буквально на пять минут».

Самый короткий её визит длился четыре часа.

Однажды она заехала передать банку огурцов и осталась ночевать. Причём без вещей. К утру вещи каким-то образом появились.

— Не открывай, — тихо сказала Лена.

Я посмотрела на неё.

— Она видела машину.

— Скажем, что тебя нет.

— А ты?

— Меня тоже.

Звонок.

А следом голос:

— Ирочка! Я знаю, что вы дома! У вас на кухне свет горит!

Мы посмотрели друг на друга.

— Она опаснее Дениса, — прошептала Лена.

— Значительно.

— Ирина! Открывай, у меня руки заняты!

Я вздохнула.

— Всё. Поздно.

Открыла дверь.

На пороге стояла тётя Валя. В одной руке огромная сумка, в другой пакет, под мышкой ещё один пакет. А рядом — девочка лет десяти.

Я посмотрела на девочку.

На тётю Валю.

Снова на девочку.

— Доброе утро.

— Ирочка!

Тётя Валя немедленно обняла меня вместе со всеми пакетами.

— Господи, какая ты худая!

Это неправда.

Но у родственников существует всего два варианта оценки твоего тела: «Какая худая» и «Ты поправилась». Нормально выглядеть родственникам никто не позволяет.

— Проходите.

— Мы буквально на минуточку.

Лена из кухни тихо сказала:

— Всё.

Я сделала вид, что не слышала.

— А это кто?

Тётя Валя подтолкнула девочку вперёд.

— Это Сонечка.

Спасибо.

Теперь всё стало понятно.

— Дочка Олега.

Не стало.

Я попыталась вспомнить Олега. В нашей семье было несколько Олегов, и ни один сейчас не помогал.

— Какого Олега?

Тётя Валя посмотрела на меня с укором.

— Ну Олега!

Я кивнула.

Конечно.

Того самого Олега.

— А-а. Да.

Лена появилась в дверях кухни и по моему лицу мгновенно поняла, что я понятия не имею, о ком речь.

— Здравствуйте, тёть Валь.

— Леночка! Господи, какая ты худая!

Лена посмотрела на меня.

Я пожала плечами.

Система работала стабильно.

— Сонечка у меня до вечера, — сообщила тётя Валя, снимая обувь. — Родители по делам. Я подумала, чего дома сидеть, поедem к вам. Заодно пирог привезла, помидоры, яйца деревенские и курицу.

Я посмотрела на пакеты.

— Живую?

— Господи, Ира!

— Я уточняю. У нас уже есть гусь. Я должна контролировать пополнение.

И тут из кухни появился Аркадий.

Сонечка замерла.

— У вас гусь?!

Аркадий тоже замер.

Они посмотрели друг на друга.

И я сразу поняла: ничего хорошего из этого знакомства не выйдет.

— Да. Аркадий.

— Его можно погладить?

— Теоретически можно всё.

— А практически? — спросила Лена.

— Практически я бы сначала получила его согласие.

Тётя Валя прошла на кухню, поставила пакеты и оглядела Аркадия.

— Господи, Ира, ну зачем тебе гусь в квартире?

— Он не в квартире. Он в семье.

Тётя Валя посмотрела на меня так, что я поняла: вот сейчас всё-таки придётся объяснять.

Вообще Аркадий появился у меня совершенно случайно. Как, собственно, и большинство важных вещей в моей жизни.

Несколько лет назад знакомые привезли маленького гусёнка. Совсем маленького. Серого, нескладного, с огромными лапами и таким видом, будто он уже тогда был недоволен устройством мира.

Его нужно было куда-то пристроить.

Временно.

Вот это слово в моей жизни вообще опасное.

Если кто-то говорит мне «временно», потом почему-то оказывается, что это на годы.

Я взяла его буквально на несколько дней. Покормить, поставить воду, присмотреть, пока найдут нормальный двор, хозяйство и людей, которым действительно нужен гусь.

План был прекрасный.

Аркадий о нём ничего не знал.

Первые сутки он пищал, ходил за мной и категорически не собирался воспринимать себя как сельскохозяйственную птицу. Если я уходила в другую комнату — он шёл за мной. Если садилась — устраивался рядом. Если закрывала дверь — возмущался так, будто я только что нарушила его базовые права.

Через неделю он уже считал, что я принадлежу ему.

Через две — что квартира тоже.

А примерно через месяц вопрос «куда пристроить гуся» почему-то вообще перестал обсуждаться.

— Потому что ты никому его не отдала, — сказала Лена.

— Потому что он выбрал меня.

— Конечно.

— Я серьёзно.

И это действительно была правда.

Аркадий почему-то с самого начала тянулся именно ко мне. Мог быть вредным с остальными, мог возмущаться, мог щипнуть Лену, если она, по его мнению, слишком вольно распоряжалась пространством, которое он давно считал своим. Мог демонстративно игнорировать всех домашних, если был чем-то недоволен.

Но со мной у него всегда были совершенно отдельные отношения.

Если я уходила надолго, он ждал. А когда возвращалась — выходил встречать.

Не так, как Ляля, которая способна устроить эмоциональное воссоединение века, даже если я всего лишь пять минут выносила мусор. У Аркадия всё было с достоинством.

Он просто подходил, смотрел и оставался рядом.

Для кого-то это мелочь.

Для меня — нет.

Я вообще слишком трепетно отношусь к животным. Все-

гда слежу, кто сколько съел, кто сколько выпил, кто сегодня какой-то не такой и почему Нафаня второй раз не подошёл к миске с водой. Домашние иногда говорят, что я устраиваю им диспансеризацию по одному выражению морды.

Возможно.

Зато я спокойна.

Наверное, животных я так люблю ещё и потому, что они не умеют притворяться.

Человек может сказать: «Мне всё равно» — и три ночи не спать.

Может улыбаться и ненавидеть.

Может обещать и не делать.

Может полчаса рассказывать психологу, что его совершенно не задевает какая-то ситуация, а потом сорок минут рассказывать именно о ней.

А животное либо идёт к тебе, либо нет.

Либо доверяет, либо держит дистанцию.

И в этом есть какая-то очень честная простота.

С Аркадием у меня именно так.

Он отдельная любовь.

Чудной.

Шумный.

Иногда совершенно невыносимый.

Но мой.

Тётя Валя посмотрела сначала на меня, потом на гуся.

— То есть ты его как ребёнка вырастила?

— Ну...

Лена вмешалась:

— Только ребёнок обычно не гадит посреди коридора.

— Лена.

— Что? Я за факты.

— Он давно знает место.

— Иногда забывает.

Аркадий сказал:

— Га.

Лена показала на него.

— Вот. Уже оправдывается.

Сонечка слушала с огромными глазами.

— А он вас любит?

Я посмотрела на Аркадия.

Он как раз подошёл и ткнулся клювом мне в ногу.

— Думаю, да.

— А вы его?

Я улыбнулась.

— Очень.

Тётя Валя вздохнула.

— Господи. Только у тебя можно прийти в гости и через десять минут обсуждать эмоциональную привязанность гуся.

— Я психолог. У меня даже птицы с безопасной привязанностью.

Лена прыснула.

— Аркадий скорее тревожно-контролирующий тип.

— Неправда.

— Ты уходишь — он орёт.

— Он скучает.

— Ты закрываешь дверь — он орёт.

— Ему важен контакт.

— Ты не даёшь пирог — он орёт.

Я посмотрела на Аркадия.

— Здесь у нас действительно есть над чем работать.

Аркадий невозмутимо пошёл к миске.

Тётя Валя покачала головой.

— А собаки?

— Тоже семья.

— Коты?

— Аналогично.

— Ира, тебе детей надо.

Я сделала глоток кофе.

Вот.

Началось.

Существуют темы, которые родственники способны вывести на поверхность из любого разговора. Ты можешь обсуждать инфляцию, погоду, устройство двигателя внутреннего сгорания или психологию привязанности гуся. Через семь минут кто-нибудь обязательно спросит про детей.

— Тётъ Валь, у меня пять животных и Лена.

— Эй! — возмутилась сестра.

— По уровню ответственности иногда шесть.

— Я вообще-то работаю!

— Четвёртый день.

— Сергей сказал, у меня талант.

— Сергей влюблён. Его показания не принимаются.

Тётя Валя мгновенно оживилась.

— Какой Сергей?

Мы с Леной посмотрели друг на друга.

Прекрасно.

Теперь у нас появилась ещё одна проблема.

— Мужчина, — сказала я.

— Я поняла, что не попугай. Какой мужчина?

— Ленин.

— Жених?!

— Нет! — сказала Лена.

Я одновременно сказала:

— Практически.

— ИРА!

— Что? Человек уже ходит по дому в трусах. Куда серьёзнее?

Тётя Валя прижала руку к груди.

— В трусах?!

Лена покраснела.

А я поняла, что утро начинает мне нравиться.

Через двадцать минут тётя Валя знала о Сергее всё, что знали мы, плюс примерно тридцать процентов информации,

которую достроила самостоятельно.

К обеду, подозреваю, Сергей уже должен был сделать Лене предложение.

К вечеру — купить квартиру.

К Новому году — родить ей двоих детей.

Сонечка тем временем подружилась с животными.

Вернее, она так думала.

Ляля позволяла себя гладить, но каждые тридцать секунд проверяла, где я. Нафаня продан за кусочек сыра мгновенно. Васька ушёл в спальню и отказался участвовать. Гоша сначала долго изучал Соню, потом внезапно пробежал боком через кухню, подпрыгнул и спрятался за занавеской.

Соня была в восторге.

— Почему он так делает?

— Мы не знаем, — сказала Лена.

— Никто не знает, — добавила я. — Возможно, даже Гоша.

С Аркадием всё складывалось сложнее.

Соня очень хотела его погладить.

Аркадий очень хотел её бутерброд.

Я пыталась объяснить обеим сторонам правила взаимодействия.

— Соня, не подходи к нему с едой.

— Почему?

— Потому что тогда он будет думать не о дружбе.

— А о чём?

Я посмотрела на Аркадия.

— О ресурсах.

— Он кусается?

— Он выражает границы.

Лена чуть не подавилась кофе.

— Ира, это гусь.

— И что? Границы есть у всех.

— Когда он щиплет меня за ногу, это не границы.

— Значит, ты плохо слышишь его «нет».

— Господи, — сказала тётя Валя. — Даже гусь у неё психологический.

— Профессиональная среда.

Телефон завибрировал.

Я машинально посмотрела.

Марина.

«Мне сегодня снова снилась дача».

Я несколько секунд смотрела на сообщение.

А потом перевернула телефон экраном вниз.

Не сейчас.

Дача подождёт.

В моей кухне тётя Валя уже рассказывала Лене, что флористика — прекрасная профессия, но «надо же ещё что-то стабильное», Соня пыталась выяснить, умеет ли Аркадий плавать в ванной, а Гоша каким-то образом залез внутрь пустой коробки из-под обуви, которая была меньше его самого.

Сегодня я выбирала жизнь.

Обычную.

Шумную.

Нелепую.

С пирогом.

Через час приехал Сергей.

Он вошёл, увидел обувь в коридоре и сразу остановился.

— У нас гости?

Я выглянула из кухни.

— Беги.

— Что?

— Пока не поздно.

Из кухни донеслось:

— Это Сергей?!

Он посмотрел на меня.

— Кто там?

— Тётя Валя.

— Кто?

— Уже неважно. Она знает о тебе.

Сергей медленно снял куртку.

— Что именно?

Я подумала.

— Практически всё.

— Откуда?

— Из ничего. У неё талант.

Лена появилась рядом.

— Не слушай её.

— А что она знает?

— Что ты мой мужчина.

Я добавила:

— И что ходишь у нас в трусах.

Сергей замер.

— Зачем?

— Это получилось естественно.

— Как такая информация может получиться естественно?

— Поверь, я профессионал.

Он посмотрел на Лену.

— Ты позволила?

— Это Ира!

— Я просто поддерживала беседу.

— Ты чудовище, — сказал Сергей.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я всё равно беру.

Тётя Валя появилась в коридоре и оценила Сергея с головы до ног.

Сергей автоматически посмотрел вниз.

На нём были брюки.

Я тоже посмотрела.

Он заметил.

— Даже не начинай.

Я молча подняла руки.

Тётя Валя улыбнулась:

— Сергей?

— Да.

— Очень приятно. Валентина Петровна. Проходите, я пирог привезла.

И увела его на кухню.

Сергей успел бросить на нас с Леной взгляд человека, которого предали самые близкие.

— Всё, — сказала я. — Теперь он официальный.

— Почему?

— Тётя Валя накормила. Обратного пути нет.

К четырём часам квартира окончательно перестала принадлежать мне.

Тётя Валя переставила продукты в холодильнике, потому что «у тебя всё неправильно стоит». Соня построила животным дом из диванных подушек. Нафаня жил там добровольно. Ляля — только если я находилась рядом. Гоша разрушил дом три раза. Васька так и не вышел.

А Аркадий украл кусок пирога.

Причём сделал это настолько нагло, что я даже не сразу нашла, что сказать.

— Аркадий!

Он побежал.

— Стой!

Гусь с пирогом во рту ускорился.

Я за ним.

— Выплюнь!

Лена снимала на телефон.

— Не снимай! Лови его!

— Я занята!

— Чем?!

— Фиксирую семейную историю!

Сергей попытался перекрыть Аркадию путь.

Аркадий резко сменил направление.

— Он умный! — крикнул Сергей.

— Я знаю!

— Почему ты говорила, что он просто гусь?!

— Я никогда не говорила «просто»!

Соня визжала от восторга.

Тётя Валя кричала:

— Да пусть ест!

— ЕМУ НЕЛЬЗЯ!

В итоге Аркадий забился между креслом и стеной и доел добычу.

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша.

— Всё.

Аркадий посмотрел на меня.

— Мы с тобой вечером поговорим.

Сергей спросил:

— О последствиях?

— О пищевом поведении.

Лена уже плакала от смеха.

— Ты реально собираешься провести с гусём терапию переедания?

— Я собираюсь проверить, чтобы ему не стало плохо!

— Ира...

— Что?!

— У тебя носок на плече.

Я посмотрела.

На плече действительно лежал носок.

Откуда он взялся, я понятия не имела.

Сняла.

— Это дом. Здесь возможно всё.

К вечеру тётя Валя наконец собралась уходить.

Разумеется, «на минуточку» превратилось почти в семь

часов.

Она упаковала Соне остатки пирога, три раза спросила Лену, серьёзно ли у неё с Сергеем, два раза сказала мне, что мне надо меньше работать, и один раз попыталась забрать Аркадия на дачу.

Вот здесь я стала серьёзной.

— Нет.

— Ему там простор.

— Нет.

— Трава.

— Нет.

— Другие гуси.

Я посмотрела на Аркадия.

Аркадий посмотрел на меня.

— Он домашний.

— Гусь?

— Тётъ Валь.

— Всё-всё.

Я проводила их, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Тишина.

Мы с Леной и Сергеем стояли в коридоре.

Секунд пять никто не говорил.

Потом Сергей спросил:

— Она всегда такая?

— Нет, — сказала я.

Он удивился.

— Иногда приезжает с дядей Колей.

— А он какой?

Мы с Леной переглянулись.

— Хуже, — сказали одновременно.

Сергей медленно кивнул.

— Я понял.

— Нет, — сказала я. — Пока нет.

Мы вернулись на кухню.

Я налила себе чай.

Лена села напротив.

— Хороший день.

— Прекрасный.

— Никто не умер.

— Уже достижение.

— Никто тебе не угрожал.

— Пока.

— Не порть.

Я улыбнулась.

Она была права.

Иногда нужно просто прожить день, в котором ничего не расследуешь. Даже если в телефоне лежит фотография 1998 года. Даже если неизвестный мужчина знает твоё имя. Даже если клиентка начинает вспоминать то, что много лет не могла вспомнить.

Психика не может круглосуточно находиться в напряже-

нии.

Да и я не могу.

Мне вообще-то ещё людей лечить.

Я взяла телефон.

Там было несколько сообщений.

Одно от клиента.

Одно от тёти Вали:

«Мы доехали. Соня хочет такого же гуся. Где покупала?»

Я закрыла глаза.

— Нет.

Лена заглянула через стол.

— Что?

— Соня хочет гуся.

Сергей сказал:

— Хороший выбор.

Я посмотрела на него.

— Ты поживи сначала с этим.

Аркадий из коридора сказал:

— Га.

— Вот именно.

Следующее сообщение было от Марины.

То самое, которое я не открыла утром.

«Мне снова снилась дача».

А ниже появилось ещё одно.

Отправлено двадцать минут назад.

«Ирина, я вспомнила Катю».

Я перестала улыбаться.

Лена заметила.

— Что?

Я читала дальше.

«Она не просто была нашей подругой».

Следующее:

«Она была девушкой моего брата».

И ещё одно:

«И она пропала тем летом».

На кухне всё ещё пахло тёти-Валиным пирогом. На полу валялась одна ветка от Лениного букета. Гоша пытался залезть в пакет. Аркадий пил воду. Сергей что-то рассказывал Лене.

Всё было совершенно обычным.

Домашним.

Живым.

А я смотрела на три строчки на экране и понимала, что наш спокойный день закончился.

Я написала Марине:

«Что значит „пропала“?»

Ответ пришёл почти сразу.

«В прямом».

Потом:

«Она уехала с дачи и больше её никто не видел».

И последнее сообщение:

«По крайней мере, мне так говорили».

Вот эта последняя фраза мне не понравилась больше всех.
Не «мы её больше не видели».

Не «она исчезла».

А:

«Мне так говорили».

Я подняла глаза на Лену.

— Кажется, завтра мне всё-таки придётся ехать на дачу.

Она даже не удивилась.

— На кладбище по дороге заедешь?

Я задумалась.

— Если будет по пути.

— Конечно.

— Что?

— Ничего. Просто у нормальных людей «по пути» обычно аптека или магазин.

— Не завидуй моей насыщенной жизни.

Сергей тяжело вздохнул.

— Я так понимаю, завтра мне снова нужны брюки?

Мы с Леной посмотрели на него.

— Обязательно, — сказала я.

И впервые за весь день мне стало совершенно ясно одно:
родственники действительно прекрасно снимают стресс.
Особенно когда наконец уходят.

ГЛАВА 8

На дачу. Без шашлыка

Утром я обнаружила семнадцать сообщений от тёти Вали.

Это были не семнадцать разных тем.

Это была одна тема, которой каким-то образом удалось размножиться.

«Ира, а Аркадий какой породы?»

Через три минуты:

«Я посмотрела в интернете, там разные гуся».

Ещё через две:

«Соня говорит, ей нужен такой же».

Потом:

«А он маленький был белый или серый?»

Следом фотография неизвестного мне гуся.

«Вот такой?»

Потом другого.

«Или такой?»

К десятому сообщению я начала подозревать, что тётя Вали уже стоит на птичьем рынке и выбирает Соне будущего родственника.

Я открыла чат и написала:

«ТЁТЬ ВАЛЬ, НЕ ПОКУПАЙТЕ ГУСЯ».

Ответ появился моментально.

«Я ничего не покупаю».

И спустя секунд десять:

«Просто смотрю».

Вот после фразы «просто смотрю» обычно и появляются животные, которых человек вообще не собирался заводить.

Я знала.

У меня в кухне стояло живое доказательство.

Аркадий как раз пил воду, потом поднял голову и посмотрел на меня.

— Если у Сони появится гусь, это будет на твоей совести.

— Га.

— Ты вчера произвёл слишком хорошее впечатление.

Он снова опустил клюв в воду.

Совесть его явно не мучила.

Я отложила телефон и посмотрела на часы.

Десять двадцать.

Рано.

Особенно для поездки на дачу, которую я вчера пообещала себе совершить так легко, будто речь шла о поездке в магазин за хлебом.

На самом деле с утра идея выглядела значительно менее разумной.

Психологи вообще не должны просыпаться и думать: «Так, сегодня едем на место исчезновения девушки двадцать восемь лет назад».

Нормальные психологи думают про консультации, отчёты и супервизию.

Я тоже думала про супервизию.

В основном о том, как долго мой супервизор будет молча смотреть на меня, когда я расскажу, чем занималась последние несколько дней.

Наверное, очень долго.

Потом спросит:

— Ирина, а где здесь заканчивается терапия и начинается расследование?

И я честно отвечу:

— Если найдёте, покажите, пожалуйста.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Марина.

Накануне я написала ей, что не хочу, чтобы она ехала на дачу только ради попытки что-нибудь вспомнить.

Это было важно.

Меня совершенно не устраивал сценарий, в котором человек приезжает в место, связанное с непонятным прошлым, начинает рассматривать каждый стул, каждую стену, каждую трещину в полу и ждёт, когда из-за шкафа торжественно выйдет вытесненная память.

Память так не работает.

А если очень стараться, иногда начинает работать ещё хуже.

Марина ответила только утром.

«Я не поеду».

Следом:

«Пока не могу».

Я почувствовала облегчение.

Не потому, что хотела ехать на её семейную дачу без неё.

Наоборот.

Просто мне было спокойнее от того, что Марина сегодня не станет устраивать себе экскурсию по собственным психологическим триггерам.

Ещё одно сообщение:

«Дача после родителей осталась нам с Лёшей. Сейчас там никто не живёт. Ключ есть у меня».

И фотография ключа.

Потом адрес.

И:

«Если вы всё равно собрались туда ехать, хотя я до сих пор не понимаю зачем, возьмите ключ».

Я улыбнулась.

Вот.

Уже появляется здоровая критика в мой адрес.

Хороший признак.

Я написала:

«Я тоже до конца не понимаю зачем».

Марина поставила смеющийся смайлик.

И впервые за всё время наша переписка выглядела почти нормально.

Потом она написала:

«Там электричество отключено. Воды тоже нет. И осто-

рожно на втором этаже, лестница старая».

Замечательно.

Заброшенная дача без электричества, где двадцать восемь лет назад исчезла девушка.

Чего ещё может хотеть женщина в свой выходной?

Может быть, пауков.

Я резко остановилась.

Нет.

Про пауков я почему-то до этого момента не подумала.

Вот теперь поездка действительно выглядела опасной.

На кухне Лена собирала букет.

Причём уже не тренировочный.

Настоящий.

Оплаченный.

И, судя по выражению её лица, флористика постепенно переходила из стадии «это моё призвание» в стадию «почему клиентка не понимает, что пионов сейчас нет».

Это давало надежду.

Настоящее профессиональное развитие всегда начинается с лёгкого раздражения на клиента.

— Она хочет точно такой, — сказала Лена, показывая мне фотографию.

— Красивый.

— Ира, там пионовидные розы.

— Прекрасно.

— А у меня другие.

— Сделай из других.

Лена посмотрела на меня с жалостью.

— Иногда я забываю, что ты вообще ничего не понимаешь в цветах.

— Я знаю ромашку.

— Поздравляю.

— Розу.

— Молодец.

— Тюльпан.

— Уже специалист.

— И ещё эти... белые.

— Какие?

Я посмотрела на стол.

Там лежало примерно восемь видов белого чего-то.

— Вот поэтому я и не люблю цветы. Они ведут себя сложно.

— Ты работаешь с людьми.

— Люди хотя бы говорят, как их зовут.

В дверь позвонили.

Мы обе замерли.

Не так, как вчера.

Но рефлекс уже формировался.

Я посмотрела на Лену.

— Ждёшь?

— Сергея. Он написал.

Вот.

Нормальный человек.

Сначала пишет.

Потом приходит.

Я открыла дверь.

На пороге действительно стоял Сергей.

В брюках.

И с тремя стаканами кофе.

Человек продолжал демонстрировать исключительно положительную динамику.

— Доброе утро.

— Вот теперь доброе.

Я забрала свой стакан.

— Это мне?

— Нет, Аркадию.

— Очень смешно.

— Я адаптируюсь к семейной культуре.

Он прошёл на кухню.

Аркадий моментально заинтересовался пакетом в его руке.

— Нет, — сказала я.

Сергей остановился.

— Я ему ничего не даю.

— Я не тебе.

— Начинаю понимать.

Лена поцеловала его в щёку.

Я отвернулась.

Не из деликатности.

Просто кофе был важнее.

— Ты собралась? — спросил Сергей.

— Куда?

Он молча посмотрел на меня.

— А. На дачу.

— Ты вчера сама сказала.

— Вчера я была эмоционально возбуждена.

— Тётей Валеи?

— В основном.

Лена завязала ленту на букете.

— Я тоже еду.

— Нет.

— Почему?

— Потому что у тебя заказ.

— Отвезу и поеду.

— Зачем тебе?

— Мне интересно.

— Вот именно поэтому.

— Ты сама туда едешь из любопытства.

— У меня профессиональное.

— Это звучит ещё хуже.

Сергей сел за стол.

— Я тоже еду.

Я посмотрела на него.

— А тебя кто приглашал?

— Никто.

— Тогда почему?

— Потому что после фразы «заброшенная дача, исчезнувшая девушка и неизвестный мужчина, который тебе угрожает» я почему-то не хочу отпускать тебя одну.

Я сделала глоток кофе.

— Вы оба ужасно драматизируете.

Лена даже не подняла головы.

— Ира, у тебя записка «психолог должен заниматься живыми» лежит дома в пакете рядом с носками с гусями.

— Не рядом. Я переложила.

— Это принципиально.

— Очень.

Я уже собиралась сказать, что выезжаем через полчаса, но взгляд случайно упал на Лялю.

Ляля сидела возле моей ноги.

И смотрела.

Не просто смотрела.

А тем самым взглядом.

Я уйду?

Ты уйдёшь?

Надолго?

Без меня?

Предательство уже произошло или пока только планируется?

Я отвела глаза.

Потом посмотрела на Нафаню.

Нафаня сидел под столом и ждал, выпадет ли у Сергея что-нибудь съедобное.

Он меня морально не осуждал.

Ему было проще.

Васька спал на стуле.

Гоша находился в коробке.

Аркадий стоял возле двери на балкон.

Я медленно сказала:

— Есть одна проблема.

Лена подняла голову.

— Какая?

— Животные.

— Что с ними?

— Мы уедем на весь день.

— И?

Я посмотрела на неё.

— В смысле «и»?

— Они побудут дома.

Я посмотрела на Лялю.

Ляля посмотрела на меня.

Нет.

Это было невозможно.

— Ляля будет переживать.

— Несколько часов?

— Это много.

— Нафаня прекрасно останется.

Нафаня услышал своё имя и подошёл к Сергею.

— Конечно, — сказала я. — Ему всё равно, с кем жить, если человек умеет открывать холодильник.

— Васька вообще нас не заметит.

Мы посмотрели на Ваську.

Он спал.

Справедливо.

— А Гоша?

— Гоша...

В этот момент из коробки высунулась голова.

Мы замолчали.

— Гошу одного оставлять опасно, — закончила я.

— Для кого?

— Для квартиры.

Лена вздохнула.

— А Аркадий?

Я посмотрела на гуся.

Гусь посмотрел на меня.

— Аркадий едет.

— Почему?!

— Потому что он не останется.

— Ира, он гусь!

— Это не аргумент.

— Это практически диагноз ситуации.

Сергей молча пил кофе.

Я повернулась к нему.

— Почему ты ничего не говоришь?

— Я хочу увидеть, чем закончится этот разговор.

— Предатель.

— Я всего три недели в семье. Не готов принимать стратегические решения.

Я снова посмотрела на животных.

Потом на сумку.

Потом на ключ от дачи.

И решение пришло совершенно естественно.

— Все едут.

Лена застыла.

— Кто все?

— Все.

— Ира.

— Что?

— Мы едем на старую заброшенную дачу, где пропала девушка.

— Да.

— С пятью животными.

— Да.

— Включая гуся.

— А кого бросить?

— НИКОГО БРОСАТЬ НЕ НАДО! Они остаются дома!

Я уже шла за переносками.

— Всё решено.

Сергей тихо сказал:

— Я знал, что утро будет интересным.

Собрать пять животных в дорогу оказалось значительно сложнее, чем собрать троих взрослых.

Лена была готова через пятнадцать минут.

Сергей вообще пришёл готовый.

Я собрала сумку с водой, салфетками, фонариком, репеллентом, антисептиком, едой, зарядкой, запасными носками и ещё несколькими вещами, о необходимости которых могла объяснить только я.

Животные восприняли подготовку как объявление войны.

Первым почувствовал неладное Гоша.

Я всего лишь достала кошачью переноску.

Он находился на диване.

Я моргнула.

Кота не было.

— Гоша?

Тишина.

— Георгий?

Ничего.

— Лена, ты видела Гошу?

— Только что был здесь.

Вот именно.

«Только что был здесь» — стандартное начало поисковой операции.

Мы проверили диван.

Кровать.

Под кроватью.

За шторами.

В коробках.

На шкафу.

В ванной.

Потом я услышала шорох из гардероба.

Открыла.

Гоша сидел на верхней полке между двумя свитерами.

Как он туда попал, я даже спрашивать не стала.

— Иди сюда.

Гоша стал плоским.

Это удивительное свойство кошек.

В обычном состоянии перед вами вполне объёмное животное.

Показываете переноску — кот превращается в жидкость и проникает в молекулярные щели.

— Гошенька.

Он прижал уши.

— Мы едем на дачу.

Никакой реакции.

— Там интересно.

Ещё меньше реакции.

— Там мыши.

Лена заглянула в комнату.

— Не обещай ему мышей.

— Я веду переговоры.

— Ты манипулируешь.

— Сейчас не время для этики.

В итоге Гошу мы загрузили в переноску втроём.

Точнее, грузила я.

Лена придерживала дверцу.

Сергей давал советы.

После моего взгляда советы закончились.

Васька, напротив, увидел вторую переноску, вошёл туда сам, лёг и посмотрел на нас так, будто хотел сказать:

«Вы закончили этот цирк?»

— Вот нормальный кот, — сказала Лена.

Из соседней переноски раздалось возмущённое:

— МЯ-А-А-У!

— Не сравнивай детей, — сказала я.

— Они коты.

— Принцип тот же.

С собаками было проще.

Ляля поняла слово «поедем» и мгновенно оказалась возле двери.

Если бы могла, собрала бы вещи сама.

Нафаня сначала не понял, зачем ему вообще куда-то ехать.

Потом Сергей показал пакет с лакомствами.

Нафаня принял решение.

И остался верен ему до конца поездки.

Самым сложным был Аркадий.

Мы поставили большую транспортировочную клетку.

Аркадий посмотрел на неё.

Потом на меня.

Потом снова на клетку.

— Это ненадолго.

— Га.

— Едем на дачу.

— Га.

— Трава.

Он задумался.

— Много травы.

Аркадий сделал шаг.

Лена тихо сказала:

— Ты реально продаёшь гусю поездку.

— Молчи.

— Водоём, возможно, — добавила я.

Аркадий подошёл ближе.

— Свежий воздух.

— Га.

— Всё. Договорились.

Я положила внутрь немного зелени.

Он вошёл.

Я закрыла дверцу.

Аркадий резко обернулся.

— ГА?!

— Извини.

— ГА-А-А!

— Иначе нельзя!

— ГА-А-А-А!

Сергей поднял клетку.

Аркадий кричал так, словно его вывозили из страны против воли.

Соседская дверь открылась.

Выглянула женщина.

Я улыбнулась.

— Добрый день.

Она посмотрела на гуся.

Потом на две кошачьи переноски.

Потом на собак.

Потом на нас.

— Уезжаете?

— Ненадолго.

Она медленно кивнула.

Я поняла, что вечером весь подъезд будет знать, что мы эмигрировали.

Загрузить всех в машину — это отдельное искусство.

Кошачьи переноски закрепили на заднем сиденье.

Собаки ехали в шлейках с автомобильными креплениями.

Аркадию устроили безопасное место в большой клетке сзади.

Лена посмотрела на всё это.

— А мы где?

Я оглядела машину.

Хороший вопрос.

В итоге Сергей сел впереди.

Лена разместилась сзади между переносками, Лялей и Нафаней и выглядела как сотрудник передвижного контактного зоопарка.

— Мне удобно, — сказала она.

— Правда?

— Нет.

Я завела двигатель.

Гоша начал петь.

Не мяукать.

Именно петь.

Длинно.

С чувством.

С претензией.

— МЯ-А-А-А-У-У-У!

— Мы ещё не выехали, — сказала я.

— МЯ-А-А-А-У!

— Я знаю, что ты недоволен.

Васька молчал.

— Посмотри на Ваську.

Лена сразу сказала:

— Ты же сама сказала не сравнивать детей.

— Сейчас можно.

Аркадий подключился:

— ГА!

Гоша:

— МЯ-А-А-АУ!

Аркадий:
— ГА!

— Они разговаривают? — спросил Сергей.

— Надеюсь, нет.

Нафаня нервно облизнулся и посмотрел на пакет с едой.

Ляля изо всех сил пыталась приблизиться ко мне, насколько позволяла шлейка.

— Ляля, я здесь.

Она вздохнула.

Тяжело.

С трагизмом.

— Мы едем отдыхать.

Лена посмотрела вокруг.

— Кто именно?

Я выехала со двора.

Через три минуты Гоша продолжал орать.

Через пять Аркадий перестал.

Через семь начал снова.

Через десять Нафаня заснул.

Васька спал с самого начала.

— Вот почему Васька мне нравится, — сказал Сергей.

— Мне тоже нравится Васька.

— Он психологически стабильный.

— Очень.

— Может, он у вас главный?

— Не исключено.

Первые двадцать минут всё шло прекрасно.

Потом навигатор сказал повернуть направо.

Я поехала прямо.

Сергей заметил.

— Он сказал направо.

— Я слышала.

— Почему прямо?

— Потому что там не надо направо.

— Откуда ты знаешь?

— Я вижу.

— Что?

— Там плохая дорога.

Лена засмеялась с заднего сиденья.

— Всё. Началось.

— Что?

— Сейчас мы будем ехать по деревьям.

Сергей повернулся.

— По каким деревьям?

— Ты ещё не знаешь?

— Что?

— Ирина не запоминает улицы.

— Я запоминаю.

— Назови улицу, по которой мы сейчас едем.

Я помолчала.

— Это не имеет значения.

Сергей начал смеяться.

Гоша решил, что смеются над ним, и снова заорал.

— МЯ-А-А-У!

— Тише!

Лена продолжила:

— Зато она помнит: после большого дерева направо.

— Не после любого дерева.

— Конечно. После конкретного.

— Там очень заметное дерево.

Сергей посмотрел вокруг.

— Здесь лес.

— Вот поэтому мне нужна концентрация.

Аркадий сказал:

— Га.

— Спасибо. Хоть кто-то понимает.

Навигатор сообщил:

— Постройте маршрут заново.

— Вот, — сказала я. — Он согласился.

— Он сдался, — ответил Сергей.

— Это разные вещи.

Через пятнадцать минут я увидела старый магазин.

Марина упоминала его в сообщении.

Точнее, написала:

«После бывшего продуктового будет развилка».

Бывший продуктовый выглядел как сарай, на котором каким-то чудом сохранилась надпись «ПРОДУКТЫ».

Я просияла.

— Вот!

— Что? — спросил Сергей.

— Магазин.

— Это?

— Раньше был магазин.

Лена толкнула его сзади.

— Не спорь. Теперь будет дерево.

Дерево действительно было.

Я повернула направо.

Сергей молчал примерно минуту.

Потом сказал:

— Ненавижу признавать, но работает.

— Конечно работает.

— А если дерево срубят?

Я задумалась.

— Это будет катастрофа.

— Поэтому люди придумали названия улиц.

— Деревья не переименовывают.

Лена засмеялась.

— Моя любимая теория.

Через полчаса мы остановились у придорожной кофейни.

Не потому что хотелось кофе.

Кофе хотелось всегда.

Просто я увидела вывеску:

«КОФЕ / ЧЕБУРЕКИ / ДОМАШНЯЯ ВЫПЕЧКА»

И человек внутри меня сказал, что расследование может подождать.

Сначала пришлось организовать животных.

Котов, естественно, никто выпускать не собирался. Я проверила, что переноски стоят в тени и в машине нормально с воздухом.

Лялю и Нафаню вывели на поводках.

Аркадию поставили складную миску с водой.

Сергей наливал.

Аркадий пил.

Рядом остановился мужчина с кофе и несколько секунд наблюдал эту картину.

Потом спросил:

— Это гусь?

Я посмотрела на него.

— Да.

Он кивнул.

— Я так и подумал.

И ушёл.

Мне понравился этот человек.

Никаких лишних вопросов.

Внутри кофейни было уютно. Три стола, холодильник с

напитками и женщина лет шестидесяти, которая посмотрела на нас так, словно заранее знала, кто закажет чебурек, а кто потом попросит ещё салфеток.

Я взяла кофе.

Лена пирожок.

Сергей чебурек.

Потом я тоже взяла чебурек, потому что запах оказался сильнее убеждений.

— Ты же не голодная, — напомнил Сергей.

— Я передумала.

— Быстро.

— Гибкость психики.

Мы сели на улице возле машины, чтобы видеть животных.

Ляля лежала возле моей ноги.

Нафаня сидел около Сергея, потому что Сергей держал чебурек.

Никаких моральных метаний.

Чистая стратегия.

— Не давай ему.

— Не даю.

— Он смотрит.

— Пусть.

Нафаня посмотрел ещё сильнее.

Сергей отвернулся.

— Давит.

— Вот.

— Что?

— Манипуляция.

— Ты сейчас диагностировала йорка?

— Я наблюдаю.

Лена вытерла пальцы салфеткой.

— А если мы ничего там не найдём?

— Это наиболее вероятный вариант.

— Тогда зачем едем?

— Посмотреть.

— Ира.

— Что?

— Тебе уже один раз после «просто посмотреть» позволили и попросили больше не смотреть.

— Я последовательный человек.

Сергей усмехнулся.

— Очень.

— Кроме того, я хочу понять, как выглядит место. Не искать воспоминания Марины. Не строить теории. Просто факты.

— Какие факты может дать пустая дача?

— Не знаю.

— Сильный план.

— У полиции тоже иногда так.

— Ты не полиция.

— Я знаю.

И это действительно было важно.

Я всё чаще ловила себя на том, что пересекаю какую-то невидимую границу.

Вот есть терапевт.

Есть клиент.

Есть её история.

А потом в этой истории появляются мёртвый брат, подозрительный муж, жена брата с любовником, старое исчезновение, неизвестные звонки — и в какой-то момент ты уже едешь на старую дачу с сестрой, её мужчиной, двумя котами, двумя собаками и гусём.

Это не входит ни в один учебник по консультированию.

По крайней мере, из тех, что я читала.

Когда мы вернулись в машину, Лена внезапно сказала:

— О! Смотри, кладбище.

Я посмотрела направо.

За деревьями действительно виднелась старая ограда.

— Где?

— Нет.

— Что «нет»?

— Я знаю это лицо.

— Какое лицо?

— Мы не едем.

— Я просто посмотрела.

— Ты всегда просто смотришь.

Сергей сидел рядом и явно наслаждался.

— А в чём проблема?

Лена повернулась к нему.

— Она любит старые кладбища.

— Я уже знаю.

— Нет. Ты не понимаешь масштаба. Если сейчас остановимся «на пять минут», домой вернёмся ночью.

— Там красивые памятники.

— Ира!

— Всё. Едем.

Я тронулась.

Через несколько секунд кладбище исчезло из зеркала.

Мне было немного жаль.

Но взрослая позиция требует жертв.

Аркадий сказал:

— Га.

— Не провоцируй.

Дача оказалась в самом конце улицы.

Если это вообще можно было назвать улицей.

Скорее две полосы травы, между которыми когда-то договорились ездить машины.

Дом я узнала сразу.

По фотографии.

Деревянный, двухэтажный, когда-то светлый, теперь сероватый от времени. Крыша потемнела. Окна первого этажа закрыты ставнями. Кусты разрослись так, что дорожку к крыльцу приходилось угадывать.

Мы вышли.

Потом началась выгрузка.

Сначала собаки.

Ляля выскочила и тут же прижалась ко мне.

— Я никуда не делась.

Нафаня увидел траву.

Понюхал.

Подумал.

Потом увидел Сергея с пакетом еды и решил, что природа переоценена.

Васька вышел из переноски спокойно.

Осмотрел двор.

Потянулся.

И буквально через минуту выглядел так, будто провёл здесь последние восемь лет.

Нашёл солнечное место возле крыльца и лёг.

— Посмотри на него, — сказала Лена. — Он уже дачник.

— Васька адаптивный.

— Васька нормальный.

Гошу выпустили в закрытой части дома только после того, как проверили двери и окна.

Он вышел из переноски, распластался по полу, посмотрел на нас с ненавистью и ушёл.

— Обиделся, — сказал Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.